

Мухоморова

Лариса Ивановна

1711-1911

1711-1911.

Ломоносов

1948

Иванов

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Статья Проф. В. В. СИПОВСКАГО

Съ портретомъ Ломоносова, съ видами: памятника
его, Холмогоръ, церкви и школъ имени Ломоносова
въ Денисовѣ

Кабинет Севера
Обл. Библиотека
Илл. А. Н. Косов
Кабинет Севера.

1955

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ Я. БАШМАКОВА и К^о
1911

Т-ва «ТРУДЪ» КАВАЛЕРГ. 40
2/ХІ—3/ХІ 1911.

946к

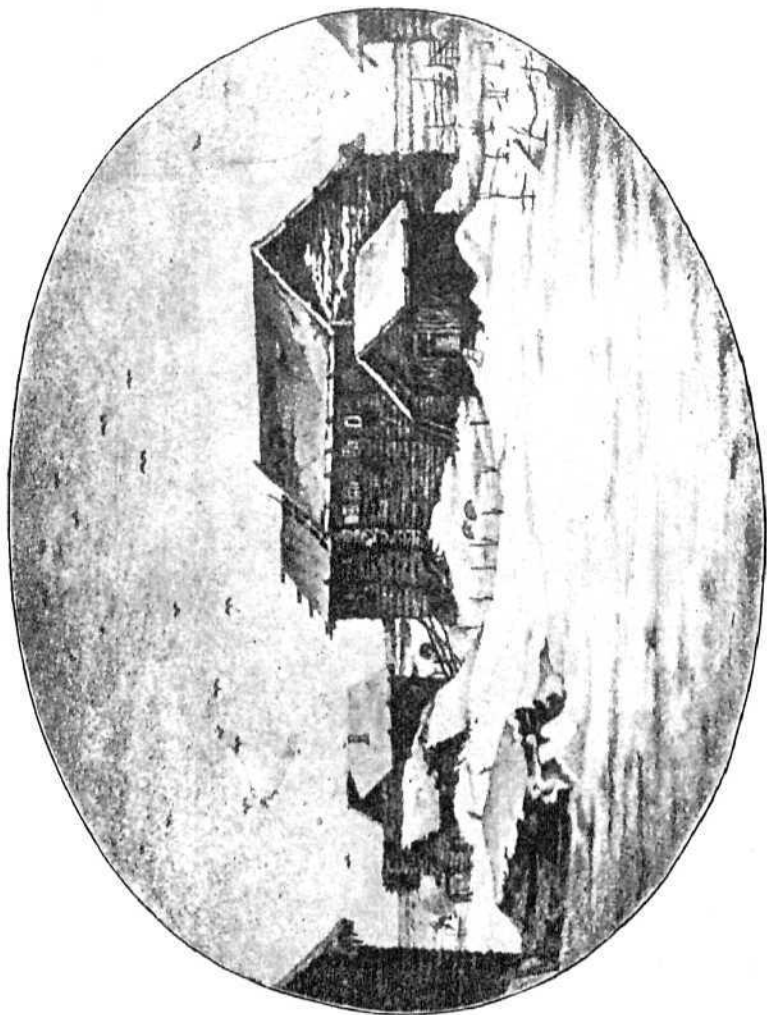
1966 г.

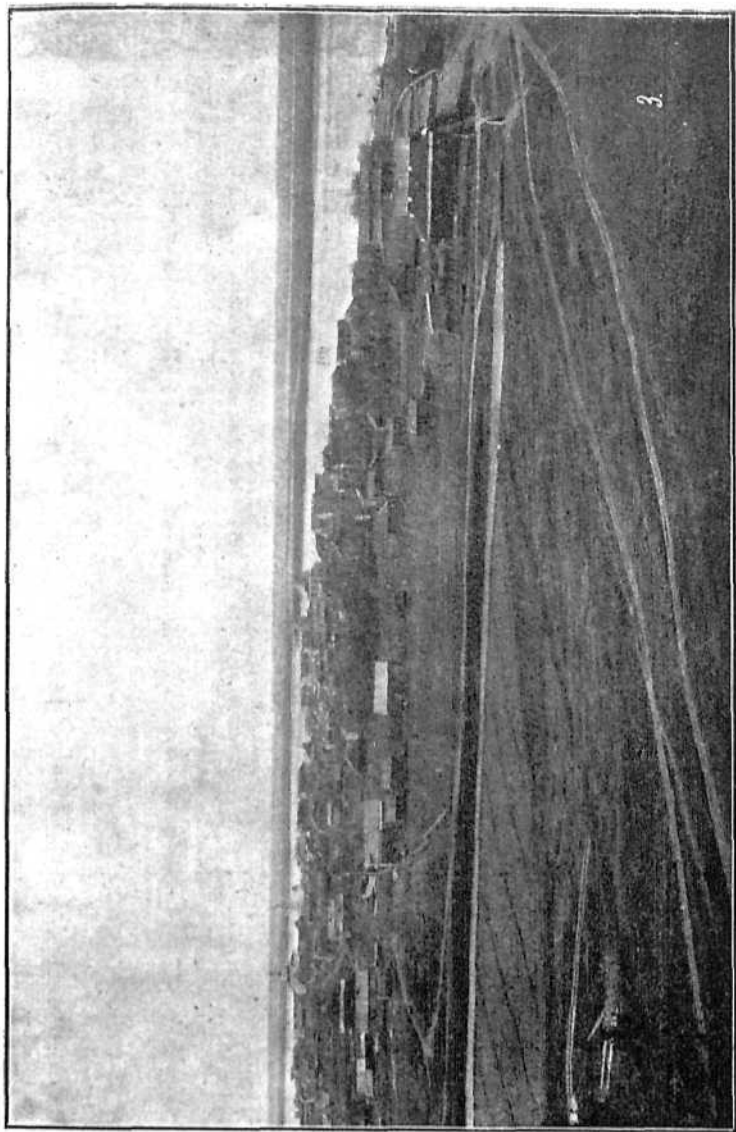
Михайло Ломоносовъ .

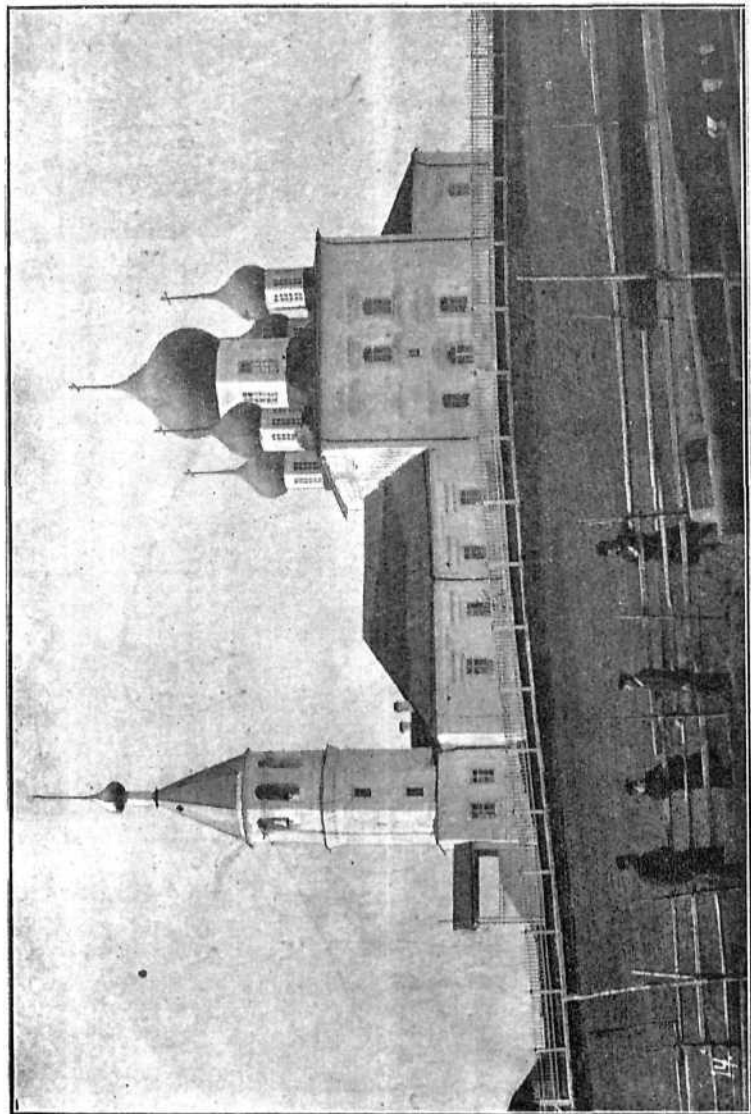
Памятникъ М. В. Ломоносова въ Архангельскѣ.

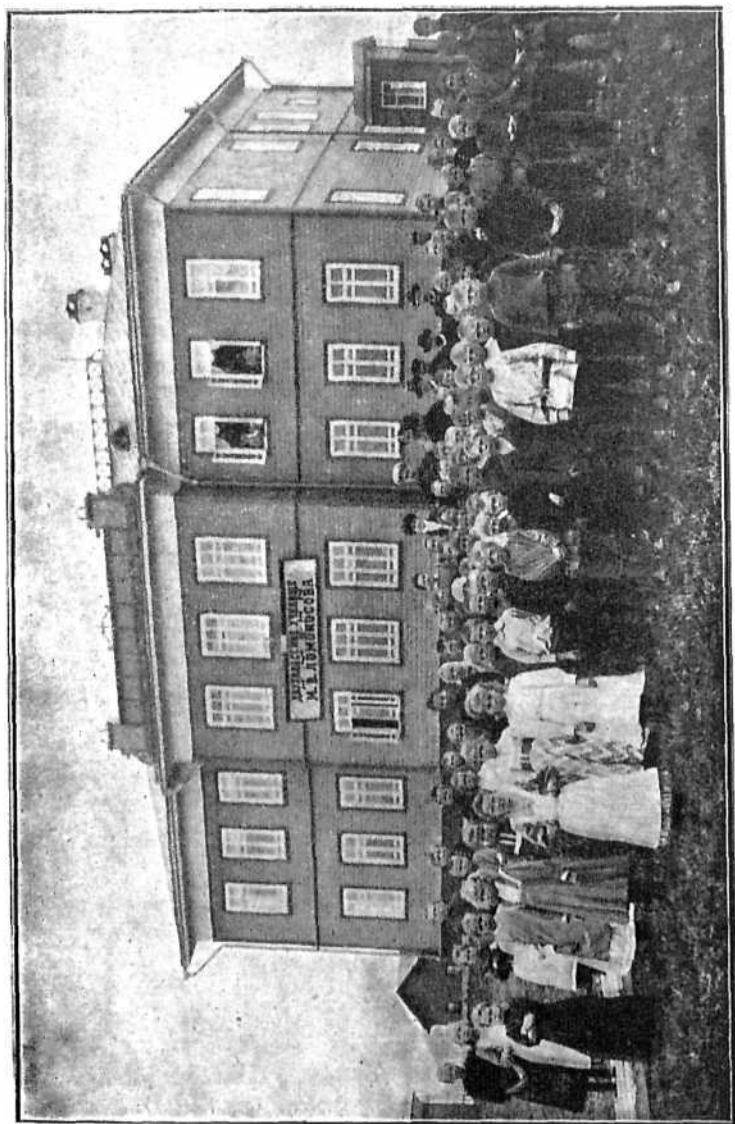
Мѣсто родины М. В. Ломоносова.

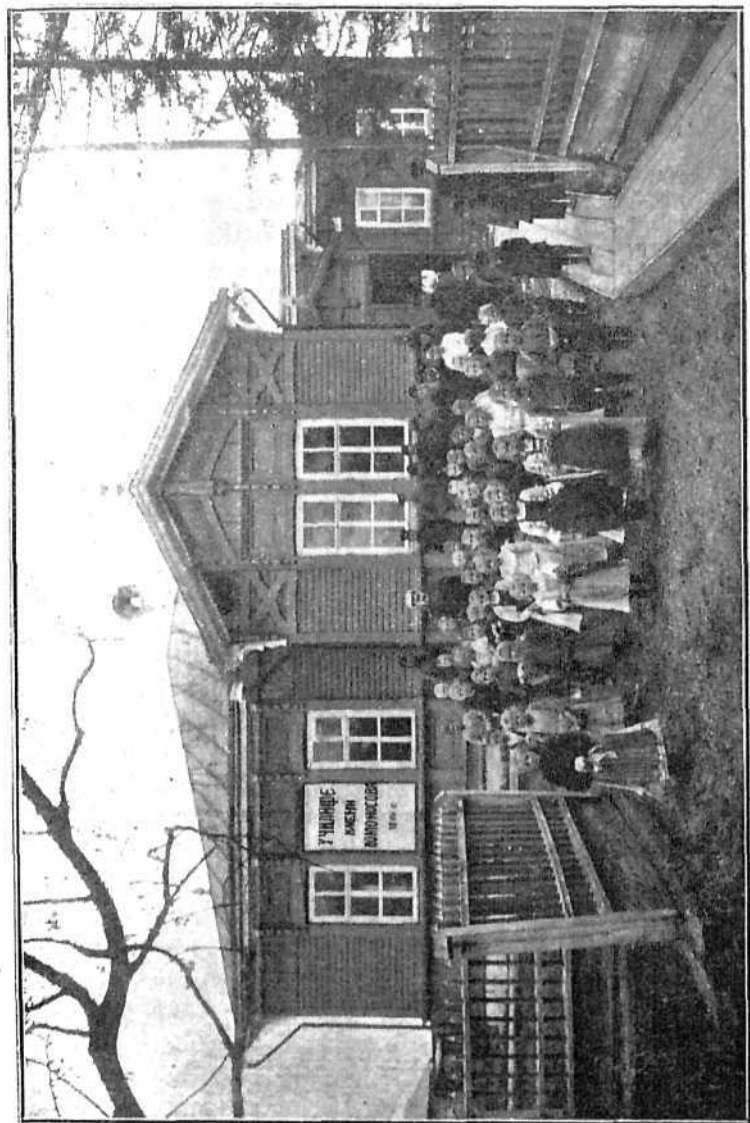
Общій видъ Холмогоръ.

Церковь въ селѣ Денисовкѣ.

Двухклассное училище М. В. Ломоносова на родинѣ.

Школа имени М. В. Ломоносова.

Изъ всѣхъ нашихъ писателей нѣтъ никого, кто къ учащейся молодежи могъ бы стать ближе М. В. Ломоносова! Великій поэтъ и великій ученый любилъ эту молодежь, заботился о ней въ теченіе всей своей жизни, болѣлъ за нее душой и ободрялъ ее теплымъ словомъ утѣшенія. Онъ горячо и сознательно любилъ свою родину и вѣрилъ, что ея свѣтлое и великое будущее возрастетъ высоко, если къ тому приложены будутъ усилія грядущихъ поколѣній. Подобно Петру Великому, Ломоносовъ былъ убѣжденъ, что только одно знаніе можетъ возвысить его родину. Оттого съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ воспѣвалъ онъ «науку» въ своихъ поэтическихъ гимнахъ, оттого такъ отечески-задушевно въ одной его торжественной одѣ звучатъ теплыя слова обращенія къ учащейся молодежи:

«О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченъемъ вашимъ доказать»... и пр.

Съ такими словами, съ такой сердечной теплотой, такъ непосредственно-прямо не обращался къ молодежи никто изъ русскихъ писателей до-и послѣ Ломоносова.

Вотъ почему, празднуя въ нынѣшнемъ 1911-омъ году память М. В. Ломоносова, русская учащаяся молодежь должна въ его лицѣ почитать не только перваго русскаго поэта и перваго ученаго, но и своего *учителя-воспитателя*,—«вожди по жизни», который и словомъ, и дѣломъ доказалъ свою любовь къ ней!

Дороги и незабвенны должны быть намъ его завѣты, и глубоко въ юныя сердца должны занестъ его уроки...

На склонѣ лѣтъ сказалъ онъ такія слова:

«Испытаніе натуры трудно, слушатели, однако, пріятно, полезно, *свято*».

Эта вѣра въ *свято*сть знанія никогда не покидала Ломоносова: для него служеніе наукѣ было «религіознымъ дѣланіемъ», «богослуженіемъ», «подвижничествомъ»... И не было той силы, которая могла бы оторвать его отъ научныхъ занятій.

«За утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего родного возстать за грѣхъ не ставлю!» — писалъ онъ въ одномъ письмѣ. *«Не употребляйте Божьяго дѣла для своихъ пристрастей, — дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго»*.

Пусть эти слова запомнить всякій, кому *посчастливилось* попасть въ учебное заведеніе!.. Пусть «Божьяго дѣла» никогда не употребляетъ онъ «для своихъ пристрастій», — пусть не мѣшаетъ «возрастать свободно насажденію Петра Великаго», потому что только благодаря образованію прогрессируетъ всякая страна, потому что въ нашей Россіи это образованіе стоитъ еще невысоко и потому каждый истинно-образованный человѣкъ особенно ей дорогъ. Въ западной Европѣ много знанія, — больше, чѣмъ у насъ, — и всетаки тамъ болѣе уважаютъ и цѣнятъ это знаніе — это «святое», «Божье дѣло», какъ его называлъ 150 лѣтъ тому назадъ М. В. Ломоносовъ!

Широко разливается Сѣверная Двина въ нижнемъ своемъ теченіи... Впадая въ море, образуетъ она нѣсколько низменныхъ острововъ. На одномъ изъ этихъ острововъ, который носитъ названіе Куроострова и лежатъ, какъ разъ, насупротивъ г. Холмогоры, и пониже находится рыбацья деревня Деписовка (иначе попросту: Болото, теперь — Ломоносовка), гдѣ въ 1711-мъ году увидѣлъ свѣтъ М. В. Ломоносовъ¹⁾.

Отецъ его, Василій Дорофѣевъ, былъ человѣкъ зажиточный, — имѣлъ достаточно земли, кромѣ того, промыслы «на Мурманскомъ берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ для лову рыбы трески и палтосины». Онъ былъ человѣкъ необразованный, но, во всякомъ случаѣ, интересный: говорятъ, что онъ

первый въ своей деревнѣ построилъ и оснастилъ свое судно «Чайку» на англійскій ладъ ²⁾). Безбѣдность его существованія не лишала его энергій,—очевидно, его натура была сильная и дѣятельная. Онъ, кромѣ того, отличался смѣлостью духа и предпринимчивостью: на своемъ корабликѣ плавалъ онъ много разъ до Соловецкаго монастыря, на Мурманъ, къ берегамъ Лапландіи ³⁾. Онъ и погибъ «смертью храбрыхъ», во время одной такой поѣздки, когда бурное море разбило его судно и выбросило его трупъ на маленькій безлюдный островокъ...

О матери Ломоносова мы ничего не знаемъ кромѣ того, что она была дочерью діакона. Она умерла, когда Ломоносову было 8 или 9 лѣтъ (Сибирцевъ, 10). Судя по ея происхожденію, можно думать, что она была человѣкомъ болѣе интеллигентнымъ, чѣмъ ея мужъ-рыбакъ, и, быть можетъ, отъ нея унаслѣдовалъ ея великій сынъ свои стремленія къ знанію и тонкость духовной организаціи. Уваженіе свое къ ея памяти выразилъ онъ тѣмъ, что по ея имени «Еленой» назвалъ свою дочь.

Съ дѣтства М. В. Ломоносовъ выдѣлился своею оригинальностью изъ рядовъ сверстниковъ... Рано его душа постигла тревожное недовольство настоящимъ, — жажду иныхъ, болѣе яркихъ, впечатлѣній, чѣмъ тѣ, которыми дарила его жизнь въ деревнѣ Денисовкѣ.

На низкомъ, болотистомъ мѣстѣ располагалась эта деревенька; во время разлива къ самымъ домамъ подходила Двина... ⁴⁾. Не было въ Денисовкѣ почти никакой растительности и, ничѣмъ не прикрытая, жалась другъ къ другѣмъ сѣрыя рыбачьи хаты, обвѣваемые морскимъ вѣтромъ,—за то необъятно-широко раскидывался надъ деревушкой небесный сводъ, и ничто не ограничивало и не темнило этого небеснаго простора, — за то вдали вѣчно шумѣло свободное море, сѣдое и непривѣтное, но могучее, безграничное...

Рано привыкъ взоръ впечатлительнаго мальчика-Ломоносова уноситься мыслями изъ маленькой сѣрой деревушки ⁵⁾ и болотистой земли къ небу и морю... Рано полюбилъ онъ все необъятное, грандіозное, величественное и загадочно-таинственное... Показывались на горизонтѣ морскомъ паруса, — для мальчика они были вѣстниками чудесной невѣдомой страны...

Что тамъ за жизньъ въ этихъ далекихъ странахъ?.. А на небѣ его дѣтскій взоръ увидѣлъ еще больше чудесныхъ тайнъ... Когда темнѣло широкое свѣтлое небо, то выступали на немъ яркія звѣзды, — сотни, тысячи, міриады звѣздъ... И искрились онѣ и переливались. Что тамъ, на этихъ звѣздахъ?.. Почему онѣ такъ сверкаютъ?.. Куда дѣваются онѣ днемъ?..

Иногда, въ холодную зимнюю ночь, небо вдругъ загоралось причудливыми, разноцвѣтными лучами сѣвернаго сіянія... И дрожали эти лучи, то росли они, то меркли... Потомъ погасало это сіяніе, — блѣднѣло ночное небо, розовѣлъ востокъ. Изъ-за сѣдого моря вставало царственное солнце, — и весь міръ привѣтствовалъ его!.. А оно дарило этотъ міръ и свѣтомъ, и тепломъ... И все золотилось, все розовѣло: и гребни морскихъ волнъ, и темныя крыши рыбацкихъ хижинъ... Даже въ болотистыхъ лужахъ Куроострова играли его золотые лучи!..

Что такое это солнце? Откуда въ немъ такая таинственная сила, все оживляющая, и озаряющая, и согревающая?

Такіе вопросы рано захватили ребенка-Ломоносова. И ничего не могли отвѣтить ему на эти вопросы въ его родной избѣ...

Ему давали здѣсь уроки труда и могучей воли, неустрашимости и энергіи...⁶⁾ Отецъ бралъ его съ собой въ свои опасныя экспедиціи... Онъ научилъ его не бояться урагана и смѣло бороться съ бушующимъ моремъ... Онъ научилъ сына, какъ опредѣлять погоду ближайшаго дня, какъ по лету птицъ и по звѣздамъ узнавать направленіе морского пути, какъ ловить рыбу, готовить ее впрокъ, какъ добывать соль, какъ строить и чинить морскія суда...⁷⁾

И все это интересовало любознательнаго мальчика. Онъ жаждалъ *всякаго* знанія безразлично — возвышеннаго и самаго будничнаго, житейскаго...

Всѣ эти знанія послужили ему на пользу: они вносили равновѣсіе и трезвость въ его мятежную душу. Не могъ онъ часами стоять и смотрѣть на сѣверное сіяніе — отецъ звалъ его въ избу чинить сѣти... Не могъ онъ мечтательно любоваться солнечнымъ лучомъ, проникающимъ зеленую прозрачность морской волны, когда ураганъ вырываетъ изъ рукъ его тутонатянутый парусъ...

Всему свое время и мечтѣ, и труду!..

Это на все жизни запомнилъ Ломоносовъ.

Вотъ почему не сдѣлался онъ поэтомъ-мечтателемъ, оторваннымъ отъ жизни, — этому помѣшала жизнь, съ ея суровыми, непреклонными требованіями.. Но онъ не сдѣлался и рыбакомъ, «морскимъ волкомъ», — этому помѣшала его мечтательность, его недовольство только настоящимъ.

Ограниченную мудрость отца постигъ онъ скоро, и ему показалось мало этихъ знаній... Ему недостаточно было знать, какъ добываютъ соли⁸⁾, какъ по звѣздамъ и птицамъ узнаютъ путь въ волнахъ морскихъ — онъ захотѣлъ проникнуть въ тѣ великія тайны, чтò управляють міромъ; ему хотѣлось понять, чтò такое солнце, откуда его таинственная сила...

Это — «Богъ создалъ солнце!».. «Это Богъ на тверди небесной укрѣпилъ звѣзды безчисленныя!».. «Все — Божья премудрость!» — отвѣчали Ломоносову родные и односельчане на его трудные вопросы.

И проникалась душа мальчика благоговѣніемъ къ Богу, мудрому и всемогущему Создателю міра... Но не удовлетворялась его жажда знанія такими отвѣтами: вѣдь тайны объяснялись другими тайнами!

«Въ книгахъ написано обо всемъ!.. Прочти — узнаешь!» — говорили ему...

Тогда Ломоносовъ взялся за книги... Крестьянинъ Ивашъ Шубный выучилъ его грамотѣ, и съ жадностью принялся онъ за чтеніе. Книги у него въ рукахъ были сперва только церковнаго содержанія: Псалтирь, Часословъ, житія святыхъ...⁹⁾.

Въ этихъ книгахъ встрѣтилъ онъ яркое и краснорѣчивое выраженіе тѣхъ же чувствъ и настроеній, которыя смутно пережиты были имъ... Въ «Псалмахъ» царя Давида нашель онъ восторженные гимны въ честь Творца, восхваленія Его за созданный міръ, во всемъ своемъ многообразіи являющій собою Божіе откровеніе. Въ «житіяхъ» прочелъ онъ о подвигахъ святыхъ людей, съ сильной душой, служившихъ Богу всею своею жизнью... Отъ всякой тѣни личнаго счастья отрекались эти богатыри духа и всѣми очищенными помыслами своими тянулись къ престолу Господнему...

Такую пищу дали юношѣ первыя прочтенныя имъ книги... И пищу эту восприняла его жадная, алчущая душа...

По свидѣтельству современниковъ, онъ съ увлеченіемъ пересказывалъ содержаніе прочитанныхъ житій своимъ односельчанамъ-старикамъ¹⁰⁾; потомъ сталъ онъ читать въ церкви, во время богослуженія и, по словамъ современниковъ, чтеніе его было «разстановочно, внятно, съ особою пріятностію и ломкостію голоса», т. е., другими словами, оно было выразительно, потому что было сознательно, продумано и прочувствовано, пережито въ его богатой молодой душѣ... «Псалмы» такое впечатлѣніе произвели на него, что на всю жизнь подчинился ихъ обаянію его отзывчивый духъ¹¹⁾, — недаромъ даже въ зрѣломъ возрастѣ занимался онъ ихъ переложеніемъ въ стихи...

И не только чувство затронуто было этимъ чтеніемъ—рано задѣта была и мысль его. Присмотрѣвшись къ богослуженію и, вѣроятно, осудивъ выполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ, *на 13-мъ году* отъ роду ненадолго сдѣлался Ломоносовъ раскольниковъ-безпоповцемъ, отрицающимъ нѣкоторыя положенія православной церкви¹²⁾.

Сущности религіи не коснулся его критицизмъ,—наоборотъ, этотъ самый критицизмъ исходилъ изъ религіозныхъ побужденій найти «правильную вѣру».

Надо думать, что узость міросозерцанія раскольниковъ скоро заставила Ломоносова отказаться отъ своей солидарности съ ними... Можетъ быть, помогъ ему это сдѣлать и образъ Петра Великаго... Дѣло въ томъ, что великій преобразователь земли Русской, во время своего путешествія по сѣверу Россіи побывалъ въ Холмогорахъ, и память о царѣ-плотникѣ свято сохранилась въ мѣстномъ населеніи...¹³⁾. Между тѣмъ, раскольники считали Петра врагомъ старинной церкви русской, называли его даже «Антихристомъ»...¹⁴⁾.

Такимъ образомъ, о Петрѣ Ломоносовъ въ дѣтствѣ слышалъ самыя разнообразныя сужденія — восторженныя похвалы и проклятія. Выборъ былъ труденъ. Сознательно возвращеніе Ломоносова въ православіе было посмертной побѣдой Петра, — этого провозвѣстника разума и прогресса.

Къ тому же дуна Ломоносова была широка: и только религиозными исканіями насытиться она не могла. Его живой и тревожный умъ требовалъ отвѣта на вопросы: «почему?..» «зачѣмъ?..» «какъ?». И не находилъ онъ на эти вопросы отвѣтовъ ни въ житіяхъ святыхъ, ни въ раскольничьихъ книгахъ «старой печати»...

Тогда онъ сталъ искать *другихъ* книгъ въ своей деревушкѣ... И, на его счастье, попали ему въ руки двѣ «мірскія» книги: грамматика Смотрицкаго и «арифметика» Магнитскаго ¹⁵). Обѣ эти книги называлъ онъ впоследствии «вратами своей учености». На самый короткій срокъ и то, благодаря хитрости, добылъ Ломоносовъ эти драгоценныя книги на домъ и, зная, что всякую минуту ихъ могутъ у него отобрать, *выучилъ ихъ наизусть* ¹⁶).

Чтеніе книгъ стало отвлекать юношу отъ работы, и въ это время впервые обостряются отношенія его къ родной семьѣ. Отъ него ждали помощи, а онъ прятался съ книгами отъ людей, выскивая такіе углы, гдѣ никто бы ему не мѣшалъ предаваться ихъ чтенію ¹⁷).

Отъ людей бывалыхъ узналъ юноша, что въ Москвѣ есть школа, гдѣ многому можно было научиться. И вотъ созрѣваетъ у него рѣшеніе идти туда, гдѣ брезжилъ заманчивый свѣтъ знанія...

Существуетъ разсказъ, что въ одну морозную ночь Ломоносовъ *бѣжалъ* изъ отчужаго дома; по точности этого разсказа подрывается оффиціальными данными, изъ которыхъ видно, что онъ былъ отпущенъ въ Москву на годъ ¹⁸). Едва-ли это могло произойти безъ вѣдома отца, или противъ его воли. Но годъ прошелъ, — Ломоносовъ не вернулся домой, и лишь съ этого времени (съ 1732 г.) въ деревенскихъ книгахъ его отмѣчаютъ, какъ находящагося «въ бѣгахъ» ¹⁹). Впрочемъ, и теперь «бѣгство» его было ненастоящимъ: отецъ зпалъ его мѣстожителство, платилъ за него подушныя и неоднократно отправлялъ къ нему письма, съ просьбами вернуться домой, съ обѣщаніями женить на богатой дѣвушкѣ... ²⁰).

Но юноша не поддавался просьбамъ, не соблазнился заман-

чивыми картинами безбѣднаго существованія въ родной деревнѣ. Очевидно, уже въ это время онъ рѣшилъ, что ради образованія «не грѣхъ противъ отца своего родного возстать». Несомнѣнно, онъ не раскаивался въ томъ, что рѣшился извѣдать своего счастья на новыхъ путяхъ...

Въ Москвѣ Ломоносовъ сперва «присталъ» къ школѣ у Сухаревой башни, гдѣ учился ариѳметикъ²¹⁾, а затѣмъ, выдавъ себя за «поповскаго сына», поступилъ въ Духовную Академію (попросту: «Законоспасское училище»). Въ этомъ учебномъ заведеніи главное вниманіе было обращено на богословскія науки. Эти новыя знанія не обогатили юношу, не расширили его умственного горизонта, — онъ и безъ богословія вѣрилъ въ Бога, почиталъ Его и восхвалялъ въ душѣ своей... Познакомился онъ въ Академіи и съ сочиненіями отцовъ церкви: Иоанна Златоуста, Василия Великаго и др.²²⁾. И въ ихъ твореніяхъ встрѣтилъ онъ опять свои чувства, свои настроенія, свои юношескія порыванія къ Богу и къ великимъ тайнамъ бытія...

Повидимому, слабо было въ Духовной Академіи поставлено преподаваніе такихъ наукъ, какъ математика, но все же, можно думать, убогія познанія Ломоносова по этой части нѣсколько углубились и, до нѣкоторой степени, систематизировались.

Выучилъ здѣсь, въ Академіи, Ломоносовъ латинскій языкъ²³⁾ и греческій, перечиталъ много всевозможныхъ сочиненій, печатныхъ и рукописныхъ, въ академической библіотекѣ²⁴⁾.

Нелегко давалась ему жизнь въ Москвѣ. Самъ онъ впоследствии такъ вспоминалъ о своихъ московскихъ «школьныхъ годахъ» въ письмѣ къ Шувалову:

«Нѣтъ! не изъ тѣхъ я людей, которые только лишь себѣ путь къ счастью ученіемъ отворять, въ тотъ же часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги примуть, а науки оставятъ. Терпѣлъ стужу и голодъ, пока ушелъ въ Спасскія школы. Тамъ обучаясь, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія мои лѣта почти непреодолимыя имѣли силу. Съ одной стороны, отецъ, у котораго дѣтей кромѣ меня не было, говорилъ, что я—

единственный сынъ, оставилъ его, оставилъ все довольство, которое онъ кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхищать. Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ жалованья въ день, нельзя было имѣть пропитанія въ день болѣе, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, а прочее на бумагу, на обувь и другія нужды» ²⁵).

Впослѣдствіи онъ самъ придавалъ большое воспитательное значеніе этимъ труднымъ годамъ своей жизни: «тотъ бѣденъ въ свѣтѣ семь, кто бѣденъ не бывалъ» — сказалъ онъ ²⁶).

Не напрасно зачитывался Ломоносовъ въ своей родной деревнѣ житіями святыхъ — сумѣлъ и онъ свою мощную плоть покорить своимъ, еще болѣе мощнымъ, духомъ, — и, несмотря на всѣ искушенія, соблазны, испытанія, шелъ твердо къ намѣченной цѣли ²⁷).

Очень скоро онъ исчерпалъ всѣ тѣ познанія, которыя только могла ему дать тогдашняя Московская Академія. Говорятъ, будто кто-то сказалъ ему, что физика и математика хорошо поставлены въ Кіевской Академіи, и Ломоносовъ переехалъ въ 1735-омъ году въ Кіевъ, чтобы въ тамошней духовной академіи заняться физикой и философіей ²⁸). Но скоро, разочарованный ²⁹), вернулся онъ обратно въ Москву...

Наступилъ въ его жизни тягостный моментъ недоумѣнія... *Некуда было дальше идти:* предѣлы возможнаго въ Россіи знанія были имъ достигнуты...

Ему предстояло сдѣлаться священникомъ. Говорятъ, что его предназначали уже къ посылкѣ на крайній сѣверъ, къ Кореламъ... Но Ломоносовъ родился подъ счастливой звѣздой. Какъ разъ въ это время изъ Петербургской Академіи Наукъ было въ Московскую Духовную Академію прислано требованіе выслать въ Петербургъ двѣнадцать наиболѣе способныхъ юношей для посылки ихъ съ ученой цѣлью за границу ³⁰). Ломоносовъ попалъ въ число этихъ избранниковъ...

Онъ прибылъ въ Петербургъ 2-го января 1736 г., представился академическимъ властямъ ³¹) и отсюда, въ обществѣ двухъ товарищей, послѣ долгихъ проволочекъ ³²), отправился въ Германію. Его послали съ опредѣленной цѣлью — изучать

горное дѣло подь руководствомъ спеціалиста по этой части Генкели ³³).

По счастливой случайности прежде, чѣмъ попасть къ спеціалисту, Ломоносовъ съ товарищами провелъ нѣсколько лѣтъ (1736—1739) въ Марбургѣ ³⁴) въ обученіи у извѣстнаго нѣмецкаго математика и философа Христіана Вольфа ³⁵).

Въ это время Вольфъ былъ самымъ извѣстнымъ ученымъ въ Германіи ³⁶). Широко и всесторонне-образованный, онъ отличался свѣтлымъ умомъ, искреннею религіозностью и доброжелательнымъ отношеніемъ къ людямъ, особенно къ молодежи.

Онъ не былъ оригинальнымъ мыслителемъ, и слава его, какъ ученаго профессора, объясняется тѣмъ, что онъ сдѣлалъ популярной въ Германіи трудную философскую систему своего учителя — Лейбница ³⁷).

Вольфъ проникся его идеями, сумѣлъ ими заинтересовать нѣмецкую интеллигенцію, и, въ благодарность за это, она платила ему глубокимъ уваженіемъ.

Со словъ Лейбница, Вольфъ училъ, что «познаніе необходимыхъ и вѣчныхъ истинъ дается человѣку при помощи науки». Онъ говорилъ, что путемъ научнаго изученія міра, мы познаемъ себя и приближаемся къ познанію Бога... ³⁸). Онъ училъ, что Богъ есть мѣдрый Строитель міра; Богъ далъ движеніе міру, установилъ законѣрную зависимость явленій. Познать *всего* Бога человѣкъ не можетъ, такъ какъ познавательныя силы его ограничены, но раскрывать тайны мірозданья онъ можетъ и долженъ... Пути къ этому раскрытію укажетъ наука...

Всюду — жизнь, всюду — духовность, училъ Лейбницъ-Вольфъ. Разница лишь въ степени ея: «въ неорганической природѣ—это безсознательная духовная жизнь, въ животныхъ — это ощущение и память, въ людяхъ — это разумъ». И человѣкъ долженъ питать свой разумъ и этимъ безконечно възвышать свою духовность.

Въ мірѣ существуетъ всеобщая взаимная гармонія... Во всемъ — порядокъ, и порядокъ этотъ премудро установленъ самимъ Богомъ...

Основы этого ученія коренились на возвышенномъ оптими-

стическомъ міросозерцаіи Лейбница. Это ученіе мирило человека съ жизнью и въ апофеозѣ представляло Бога...

Такъ, оба пѣмецкіе философы, Лейбницъ и Вольфъ, пришли къ оправданію и возвеличенію жизни. Силою своего разума пытались они доказать существованіе Бога... Изъ ничего ничего и не могло бы произойти — все, что есть въ природѣ, должно имѣть достаточную причину для своего возникновенія — поучаль Вольфъ своихъ учениковъ и читателей... Всѣ явленія жизни въ тѣсной связи. Эти связи установилъ Богъ: Онъ — причина существованія всего. Наука находитъ эти связи, ихъ опредѣляетъ и подводитъ человека къ познанію первой причины — Бога.

Нетрудно понять, что главныя основы этой возвышенной философіи оказались по душѣ юношѣ-Ломоносову. Къ воспріятію такого міровоззрѣнія былъ онъ подготовленъ всею предшествующею своею жизнью: своими дѣтскими мечтами, своими релігіозными порывами, все нарастающей жаждою знанія...

Такая философія, конечно, могла только укрѣпить въ немъ убѣжденіе, что выбранный имъ путь вѣренъ, что идти по этому пути надо впередъ, безъ колебаній и сомнѣній.

А для такихъ сомнѣній въ его юной душѣ могло накопиться немало пищи... Вѣдь въ родной деревнѣ, весьма вѣроятно, и въ Духовной Академіи ему приходилось перазъ сталкиваться съ обычнымъ у насъ представленіемъ, что заниматься науками, особенно изучающими природу — грѣхъ предъ Господомъ. Такое представленіе господствовало въ средніе вѣка не только у насъ въ Россіи, но и въ западной Европѣ. И тамъ люди думали, что ничто земное не должно интересоватъ человека, такъ какъ земля — принадлежитъ дьяволу: къ небу, къ Богу и къ загробной жизни долженъ былъ стремиться человекъ... Онъ не долженъ испытывать природу, чтобы не сдѣлаться слугою дьявола. Не слѣдуетъ развивать свой разумъ, — разумъ опасенъ для вѣры... «Своему разуму вѣрующей удобъ впадетъ въ прелести различныя» — говорили русскіе книжники. И фанатики, убивая свой разумъ, паллагали на себя «юродство Христа ради». «Проклятъ, любяй геометрію» — съ полнымъ убѣжденіемъ въ справедливость своихъ словъ, проповѣдовали они...

«Люби простыню (простоту) паче гордости!» — твердили, навѣрно, и юному Ломоносову люди старыхъ понятій, повторяя ему то, что слышали сами отъ стариковъ. Еще въ XIX-омъ столѣтїи въ Россїи раздавались подобныя рѣчи³⁹⁾. Быть можетъ, онѣ раздаются и теперь въ глухихъ углахъ нашей родины!

Понятно, что въ началѣ XVIII-го столѣтїя такія слова могли смущать юный, неустановившійся умъ Ломоносова.

Но когда онъ услышалъ рѣчи Вольфа, для сомнѣній больше не было мѣста въ его душѣ. Отъ своего поваго учителя узналъ онъ то, что ему было особенно дорого: *вѣрь своему разуму, если твой разумъ посвященъ святому знанію*. Разумъ угоденъ Богу и не оскорбляетъ Его. Человѣкъ долженъ не только чувствомъ, но и разумомъ искать Бога...

Твердо запомнилъ это Ломоносовъ и значительно позднѣе высказалъ замѣчательную мысль: «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, а въ другой—свою волю; первая—видимый сей міръ, вторая—Св. Писаніе». Въ этихъ словахъ вполне выразился тотъ высокій взглядъ, который сложился у Ломоносова подъ вліяніемъ лейбнице-вольфїанской философіи разума...

Ободренный и вдохновенный своимъ учителемъ Вольфомъ, ревностно взялся теперь Ломоносовъ за чтеніе той великой книги, въ которой, по его словамъ, Богъ показалъ «свое величество»... Онъ окружилъ себя научными книгами, математическими выкладками, микроскопами, телескопами, колбами и пробирками, физическими приборами... Онъ жадно читалъ великую книгу природы, и, по мѣрѣ чтенія, выросалъ его восторгъ и усиливалась его страсть къ знанію...

Но его цѣльная широкая натура не удовлетворялась такимъ однообразнымъ питаніемъ: насыщался его духъ, а его мощная плоть, такъ долго поработаемая его волей, требовала себѣ простора... Свободная студенческая жизнь, грубоватость нравовъ маленькаго пѣмецкаго городка, избытокъ неизрасходованныхъ молодыхъ силъ, — все это, вмѣстѣ взятое, освободило его отъ прежняго аскетизма⁴⁰⁾.

Быть можетъ, юноша думалъ, что такая свободная жизнь,

въ которой нашли воплощеніе всѣ стихіи его мощной природы— и духъ, и плоть, въ которой упорный трудъ сочетался съ весельемъ, — была выраженіемъ той бодрой, радостной философіи Лейбница, которая оправдывала всю жизнь человѣка, и жизнь всего міра представлялась величественной симфоніей въ честь Мудраго Творца вселенной.

Въ такомъ міросозерцаніи нашла яркое выраженіе мудрость, принесенная Европѣ гуманизмомъ Возрожденія... Забылись темные вѣка средневѣковья... Аскетизмъ и мистицизмъ смѣнились свободнымъ и радостнымъ гимномъ въ честь земной жизни. Схоластика уступила свое мѣсто свободной наукѣ. Католицизмъ посторонился, чтобы дать мѣсто Реформаціи...

И свободный отъ узъ, высоко поднялъ свою голову свободный человѣкъ новаго времени, прекрасный и радостный... ⁴¹⁾.

Въ то время, какъ Ломоносовъ былъ въ Германіи, тамъ еще не прошелъ угаръ этой радости... И въ поэзіи, и въ жизни не померкли еще идеалы новой жизни... Популярна была поэзія анакреонтическая, и молодой поэтъ-эпикурецъ Гюнтеръ былъ ея выразителемъ въ Германіи.

Его творчествомъ увлекся и нашъ Ломоносовъ. Нѣсколько, дошедшихъ до насъ, его стихотвореній этой эпохи ⁴²⁾ свидѣтельствуютъ, что и онъ могъ сдѣлаться поэтомъ-эпикурейцемъ, пѣвцомъ легкокрылой любви...

Старый Вольфъ благодушно смотрѣлъ на проказы русской молодежи... Одно обстоятельство смущало его: русское правительство посылало своимъ студентамъ гроши, а Ломоносовъ со своими товарищами жилъ, совсѣмъ не считаясь со своими скудными средствами, и дѣлалъ долги... Повидимому, смущала Вольфа и необузданность русскихъ варваровъ, которые не желали быть «умѣренными» эпикурейцами и проказили слишкомъ неприкровошно...

Между тѣмъ, кончился срокъ пребыванія русскихъ студентовъ у Вольфа... Должно быть, съ чувствомъ облегченія проводилъ старикъ своихъ питомцевъ, которые стоили ему немалыхъ хлопотъ... Но ни тѣни озлобленія не чувствуется въ его послѣднихъ письмахъ, посланныхъ въ Россію съ отчетомъ о поведеніи и успѣхахъ его русскихъ учениковъ. Юноши прости-

лись сердечно со своимъ благодушнымъ учителемъ, а чувствительный, восторженный Ломоносовъ даже плакалъ при разставаніи съ тѣмъ, кто такъ много далъ ему.

Отъ Вольфа русскіе юноши перебрались въ Фрейбергъ, къ проф. Генкелю, чтобы, подъ его руководствомъ, заниматься горными науками. Генкель былъ человѣкомъ иного склада, чѣмъ Вольфъ: онъ не обладалъ такими всесторонними свѣдѣніями, и міросозерцаніе его не отличалось такой широтою. Человѣкъ, хорошо знающій свою узкую специальность, онъ не былъ философомъ и критически отзывался ко всякимъ попыткамъ создать общія системы... Въ отношеніяхъ къ русскимъ ученикамъ своимъ онъ обнаружилъ и мелочность, и излишнюю обидчивость, и даже, кажется, сребролюбіе... Особенно рѣзко столкнулся онъ съ экспансивнымъ, несдержаннымъ Ломоносовымъ. Между учителемъ и ученикомъ начались ссоры, скоро принявшія очень крупныя размѣры публичныхъ скандаловъ⁴³). Почта повезла въ Петербургскую Академію Наукъ изъ Фрейберга письма съ жалобами учителя и самооправданіями ученика...

Уроками Генкеля Ломоносовъ остался недоволенъ⁴⁴), и кончилась исторія ихъ отношеній тѣмъ, что Ломоносовъ самовольно бросилъ своего учителя и городъ Фрейбергъ и отправился странствовать по разнымъ германскимъ городамъ, въ посылкахъ русскаго посла, который въ это время ѣздилъ по Германіи⁴⁵). Посла онъ отыскать не сумѣлъ и очутился опять въ Марбургѣ у Вольфа, къ которому явился, по его словамъ, «какъ къ своему благодѣтелю и учителю». Въ Марбургѣ на этотъ разъ пробылъ онъ недолго. Но 6 іюня 1740 г., успѣлъ жениться на дочери своего квартирохозяина... Очевидно, романъ Ломоносова завязался раньше, во время прежняго пребыванія его здѣсь.

Въ расчетѣ устроиться въ Россіи, онъ скоро оставилъ свою молодую жену и отправился въ Голландію, чтобы оттуда моремъ пробраться въ Петербургъ. Но дорогѣ онъ попалъ въ руки прусскихъ вербовщиковъ и былъ записанъ ими въ солдаты. Съ опасностью для жизни бѣжалъ Ломоносовъ изъ прусской крѣпости. Если бы онъ былъ пойманъ, его судили

бы военнымъ судомъ и, вѣроятно, приговорили бы, какъ дезертира, къ разстрѣлянiю ⁴⁶).

Но счастье и на этотъ разъ благопріятствовало ему: онъ спасся отъ погони; перебѣжавъ границу, добрался до моря и, наконецъ, послѣ долгихъ скитанiй и приключенiй ⁴⁷), прибылъ въ Петербургъ и явился 8 iюня 1741 г. въ Академію Наукъ.

Это высшее ученое учрежденіе основано было по мысли Петра Великаго, который хотѣлъ, чтобы Академія составлена была изъ лучшихъ западно-европейскихъ ученыхъ, приглашенныхъ на хорошіе оклады для обученiя русскихъ юношей разнымъ наукамъ. Великій Петръ сознавалъ силу образованiя и горячо вѣрилъ въ способности русскихъ людей.

И М. В. Ломоносовъ явилъ собою первое доказательство того, что не ошибся въ своемъ народѣ великій Государь-Преобразователь!..

Это ясно понималъ самъ Ломоносовъ, и, гордый этимъ сознаниемъ, вошелъ онъ подъ кровъ Академіи съ высоко-поднятой головой.

Но здѣсь ждали его многочисленныя обиды и разочарованiя...

Академіей правилъ единовластно нѣмецъ-Шумахеръ. Это былъ ловкій и хитрый человекъ, чуждый какой бы то ни было идейности. Онъ за счетъ Академіи умѣло устраивалъ благополучіе свое личное и своихъ родственниковъ. Интересамъ науки онъ былъ чуждъ, и завѣты Петра ничего не говорилъ его мелкому уму и маленькому сердцу.

Академія временъ Ломоносова представляла собою нестрое зрѣлище: подборъ ученыхъ былъ въ ней самый случайный, — это были люди разныхъ національностей (больше всего было нѣмцевъ), разныхъ способностей, неодинаковыхъ степеней знанiя ⁴⁸). Они различно относились къ наукѣ: одни, дѣйствительно, горячо отдавались научнымъ занятiямъ, другіе исполняли свои обязанности кое-какъ, спусти рукава... Всѣ они были запутаны въ интригахъ Шумахера — одни его поддерживали, другіе боролись съ нимъ... И не было среди этихъ иностранныхъ ученыхъ почти никого, кто работалъ бы въ интересахъ русской молодежи, во имя Россiи и ея гения Петра!

Положеніе осложнялось тѣмъ, что многіе русскіе сановники и чиновники, состоящіе при Академіи или держали руку Шумахера, или относились совершенно равнодушно ко всему, что происходило въ стѣнахъ этого ученаго учрежденія.

Это сразу почувствовалъ Ломоносовъ, едва только оглядѣлся въ Академіи, и такое отношеніе иностранныхъ ученыхъ къ его родинѣ, отношеніе безразличное, или даже презрительное, показалось ему обиднымъ... Онъ еще мирился съ тѣми изъ академикомъ, которые любили науку и служили ей, — по не могъ онъ простить тѣмъ, въ отношеніи которыхъ къ Россіи почувствовалъ онъ тѣни презрѣнія... На себѣ самомъ испыталъ онъ всю тяжесть и горечь этого презрѣнія: его держали въ черномъ тѣлѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ, не дѣлая академикомъ, и только въ 1745 году 25 іюля, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія его въ Академіи въ качествѣ адъюнкта, Ломоносовъ получилъ званіе профессора-академика.

Много горькихъ обидъ перенесъ онъ въ продолженіе этой неравной борьбы, когда онъ одинъ стоялъ противъ многихъ враговъ, «явныхъ недоброхотовъ Россійскихъ», и нѣмецкихъ и русскихъ ⁴⁹). Сдѣлавшись, наконецъ, академикомъ, утомленный и обозленный, вошелъ онъ, какъ побѣдитель въ пеструю, недружную академическую семью...

Здѣсь особенно рѣзко столкнулся Ломоносовъ съ всеильнымъ Шумахеромъ и впоследствии съ его родственникомъ Таубертомъ, которые правили хозяйствомъ и канцеляріей Академіи ⁵⁰). Много крови испортилъ себѣ Ломоносовъ за это время, и порою скандальная хроника его столкновений съ академическими нѣмцами, заставляетъ думать, что въ борьбѣ съ этими пигмеями самъ онъ дѣлался пигмеемъ, злобнымъ и мелочнымъ...

Ни одной пяди земли не уступалъ онъ своимъ противникамъ, и не измелчалъ онъ въ этой упорной борьбѣ потому, что его большое сердце было полно большой любовью къ Петру и Россіи ⁵¹), — потому что борьба эта была, съ его точки зрѣнія, дѣломъ принципиальнымъ, служеніемъ той *правдѣ*, которую такъ высоко онъ ставилъ въ теченіе всей своей жизни... ⁵²).

Героическія настроенія переживала Россія съ начала XVIII вѣка: благодаря титанической волѣ Петра, она внезапно явилась изъ небытія, и вся Европа съ изумленіемъ и страхомъ оглянулась на *свернаго* великана... ⁵³).

Полтавскій бой — это былъ самый величественный моментъ всей русской исторіи XVIII в. Здѣсь на ратномъ полѣ геній Россіи впервые помѣрился силами съ геніемъ Запада и... побѣдилъ его...

Трудно себѣ представить, какое страшное измѣненіе должно было произойти въ сознаніи русскаго человѣка, когда онъ, послѣ этой побѣды, мѣрлялъ подвигъ свой! Недавно еще ученикъ, *приученный* на себя смотрѣть чуть ли не съ презрѣніемъ, онъ сразу выросъ въ собственныхъ глазахъ въ титана...

Впечатленіе отъ эпохи Петра, отъ славной Полтавской битвы, опредѣлили пафосъ героическихъ настроеній всего XVIII-го вѣка. Отблескъ величія лежитъ на всемъ этомъ столѣтіи, бурномъ и блестящемъ, когда съ каждымъ днемъ вырастали русскій патриотизмъ, народная гордость и любовь къ роднѣ...

«Громъ побѣды раздавайся,

Веселися, храбрый Россѣ!»

Этотъ гимнь, сочиненный Державинымъ, прекрасно выражаетъ основныя черты русскаго духа этой бурной и блестящей поры.

«Храбрый Россѣ» мѣрлялъ свои силы со Шведами, съ Турками, Персами, съ Пруссаками — подъ конецъ вѣка помѣрлялъ себя съ цѣлою Европой...

Темнымъ пятномъ на этой ликующей картинѣ лежатъ тяжелые годы русской исторіи отъ смерти Петра до воцаренія Елизаветы Петровны... Тогда часто смѣнялись случайные правители; на престолѣ руссійскомъ хозяйничали временщики, и больно страдало разбуженное народное самолюбіе отъ произвола разныхъ большихъ и малыхъ Виреновъ...

Это больно чувствовалъ Ломоносовъ и съ такимъ уязвленнымъ національнымъ самолюбіемъ и въ то же время окрыленный чувствами народной гордости и патриотизма, началъ свою борьбу въ Академіи.

Онъ требовалъ, чтобы академическія деньги шли на русскую науку⁵⁴); онъ требовалъ, чтобы Академія учила русскую молодежь, чтобы шире раскрывалась въ Россіи дорога для русскихъ талантовъ.

Подобно Петру Великому, Ломоносовъ сознавалъ, что безъ заграничныхъ ученыхъ еще не можетъ обойтись Россія; онъ уважалъ «нѣмцевъ», которые такъ много дали ему самому; у него были друзья между иностранными учеными и въ Петербургской Академіи, и за границей. Онъ постоянно хлопоталъ о приглашеніи новыхъ заграничныхъ ученыхъ въ русскую Академію, но онъ не переносилъ тѣхъ иностранцевъ, которые получали русское жалованье и презирали все русское... Такихъ было немало, особенно благодаря тому исключительному положенію, которое они заняли у насъ при Бироуѣ.

Вотъ съ такими-то академическими иностранцами, со всей присущей ему страстностью, и повелъ борьбу Ломоносовъ...

А въ это безпокойное время, когда зорко приходилось слѣдить за каждымъ шагомъ своихъ «враговъ», Ломоносовъ умудрялся заниматься всевозможными науками, искусствами и поэзіей: онъ читаетъ лекціи студентамъ по различнымъ предметамъ, — филологическимъ и естественно-научнымъ, увлекается химическими и физическими опытами, дѣлаетъ открытія, изобрѣтаетъ различные аппараты, изучаетъ старыя русскія лѣтописи, трудится надъ сочиненіемъ русской исторіи, русской грамматики, риторики, произноситъ нѣсколько публичныхъ рѣчей, въ которыхъ восхваляетъ «науку» и выясняетъ ея значеніе русскимъ людямъ.

У него была такая же всеобъемлющая душа, какъ и у его любимаго царя — Петра, котораго Пушкинъ такъ мѣтко опредѣлилъ словами:

«То — академикъ, то — герой,
 То — мореплаватель, то — плотникъ,
 Онъ всеобъемлющей душой
 На тронѣ вѣчный былъ работникъ!»

Такимъ же «вѣчнымъ работникомъ» былъ и Ломоносовъ! Среди ученыхъ занятій онъ находилъ еще время отдаваться

и поэтическимъ вдохновеніямъ: сочинялъ торжественныя оды, трагедіи, поэму «Петръ Великій» и перекладывалъ въ стихи тѣ изъ «Псалмовъ» царя Давида, которые были особенно близки его душѣ... Эти переложенія были лучшими поэтическими произведеніями его; въ нихъ онъ выразилъ самыя задушевыя настроенія своей одинокой души, страдающей, мятежной, ищущей примиренія въ общеніи съ Богомъ, въ лицезрѣніи Творца чрезъ его твореніе!

Но въ исторіи русской литературы прославился Ломоносовъ не столько своими переложеніями псалмовъ, сколько торжественными одами.

Прежде, чѣмъ попасть къ намъ въ Россію, этотъ литературный видъ пережилъ большую исторію. Древнегреческій поэтъ Пиндаръ далъ наиболѣе ранніе образцы этого творчества. Онъ воспѣвалъ въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ грековъ-побѣдителей на разныхъ состязаніяхъ (на играхъ олимпійскихъ, истмійскихъ и др.). Его вдохновенные гимны были отзвукомъ народныхъ чувствъ и реальныхъ переживаній. Изъ римскихъ поэтовъ одами прославился Горацій, который въ своихъ произведеніяхъ выражалъ свои личныя чувства. Особенно извѣстны тѣ его оды, которыя посвящены императору Августу и Меценату. Съ чувствомъ восторга и благодарности, говоритъ Горацій въ своихъ одахъ объ этихъ двухъ высокихъ покровителяхъ.

Когда западная Европа подъ вліяніемъ эпохи Возрожденія заинтересовалась античнымъ міромъ, то и въ области поэтического творчества въ моду вошли подражанія греческимъ писателямъ. Пиндаръ и Горацій сдѣлались образцами для тѣхъ поэтовъ, которые близки были къ «сильнымъ міра сего»; подражая этимъ древнимъ поэтамъ въ своихъ хвалебныхъ произведеніяхъ, новые одописцы превозносили своихъ покровителей, при чемъ нерѣдко прибѣгали къ чрезмѣрной лести и преувеличеніямъ.

Особенно опредѣленно сложился характеръ этого творчества при французскомъ дворѣ. Одна изъ французскихъ Академій составлена была изъ поэтовъ и различныхъ худож-

никовъ; члены этой Академіи должны были заботиться о процвѣтаніи поэзіи и искусствъ во Франціи. Имъ же была ввѣрена высокая честь поддерживать блескъ двора устройствомъ различныхъ торжественныхъ собраній и празднествъ, по поводу разныхъ радостныхъ событій изъ жизни короля (коронація, бракосочетаніе, день тезоименитства, день рожденія принцевъ и принцессъ), или государства (военныя побѣды, заключеніе мира и т. п.). Академическіе поэты обязаны были по всѣмъ этимъ поводамъ сочинять поздравительные стихи, хвалебныя оды... За эти привѣтствія получали они награды...

Но, конечно, среди этихъ французскихъ поэтовъ были люди искренніе, которые въ сердцахъ своихъ, дѣйствительно, прочувствовали все величіе славы, въ теченіе XVI, XVII и XVIII-го вѣковъ, озарявшей Францію...

«Торжественная ода» и была наиболѣе характернымъ поэтическимъ выраженіемъ феерическаго блеска французской придворной жизни за эти три вѣка...

Но у многихъ поэтовъ творчество, которое, въ свое время, у Пиндара и Горація было выраженіемъ дѣйствительныхъ переживаній, обратилось въ искусство, даже въ ремесло; холодной вычурностью и дутымъ паѳосомъ, изысканностью образовъ, гиперболизмомъ и риторизмомъ замѣняли они живость и правду чувствъ...

Подражая французскимъ королямъ, и нѣмецкіе владѣтельные особы — короли, герцоги и князья — завели при своихъ дворахъ придворныхъ поэтовъ... И тѣ, по образцу французскихъ одъ, стали сочинять нѣмецкія... Въ результатъ, характеръ торжественныхъ одъ дѣлался шаблоннымъ; въ нихъ все болѣе и болѣе испарялось живое чувство, — ее замѣнялъ условный ложный паѳосъ, искусственный восторгъ, фальшивое пареніе...

Въ составъ нашей Петербургской Академіи тоже были приглашены академики-поэты, которые *обязаны* были привѣтствовать одами русскую императрицу въ дни торжественныхъ событій ея жизни... За неимѣніемъ русскихъ поэтовъ приглашены были нѣмецкіе: Юнкеръ, потомъ Штелигъ... Ихъ «торжественныя оды» сочинялись «по правиламъ», — съ соблюде-

ніемъ всёхъ типичныхъ условностей, присущихъ этому поэтическому виду... Онъ напыщенъ, холоденъ... Едва-ли эти оды кому-нибудь могли особенно нравиться, — но на нихъ былъ спросъ. Ихъ требовалъ этикетъ, взятый у иностранныхъ дворовъ... На торжественномъ дворцовомъ праздникѣ подношеніе оды было однимъ изъ непремѣнныхъ номеровъ программы торжества...

Нѣмецкія произведенія поэтовъ-академиковъ поручено было переводить сперва Тредіаковскому, потомъ Ломоносову, который своими первыми стихотворными опытами доказалъ, что владѣеть стихомъ, знаетъ «правила»... Впослѣдствіи къ Ломоносову перешла всецѣло эта обязанность сочинять стихи «на случай»... И вотъ, отрываясь отъ своихъ любимыхъ занятій, отъ книгъ и опытовъ, садился онъ за бумагу и «сочинялъ» къ сроку оды на тезоименитство, на день коронацій, на побѣды, дни рожденія...

Холодны и неискренни были его первыя произведенія (1741 г.)... Его свободную душу тѣснили рамки «правилъ» и «поэтическихъ условностей». Ему было такъ же душно и тѣсно въ узлахъ этого творчества, какъ въ бархатномъ камзолѣ съ кружевами... Но, выполняя этикетъ, онъ сочинялъ свои оды и долженъ былъ сдерживать свое свободное вдохновеніе⁵⁵). И все же живое, неумчивое чувство Ломоносова, даже въ первыхъ его произведеніяхъ, пробивается сквозь гнетъ всяческихъ условностей и шаблоновъ... Отъ традиціонныхъ формъ своей торжественной оды онъ не освободился, но онъ все же сумѣлъ въ ней выразить свое искреннее и живое чувство. Это чувство — любовь къ родинѣ и великому Петру...

Тѣ героическія настроенія, которыя переживалъ «храбрый Россъ», возведенный на вершину славы благодаря гению Петра, нашли въ Ломоносовѣ своего пѣвца... Паѳосъ его одъ — *чувство народной гордости*...

Когда на престолъ вступила Елизавета Петровна, въ поэтической дѣятельности Ломоносова наступаетъ свѣтлая пора... Съ воцареніемъ дочери Петра кончилось у насъ хозяйничаніе Бироновъ, — восторжествовали русскія національныя начала.

Ломоносовъ попалъ въ академики, и въ его глазахъ это было торжествомъ русской науки, русскаго народа вообще...

И вотъ, воодушевленный чувствомъ безмѣрной радости и признательности, онъ сдѣлался пѣвцомъ Елизаветы.

Въ ея образѣ для Ломоносова соединилось все, что было ему тогда дорого: Петръ, Россія и науки...

Вотъ почему къ эпохѣ царствованія Елизаветы относятся всѣ лучшія его оды; въ нихъ живая правда настроеній и чувствъ находятъ теперь полное и свободное выраженіе... Что раньше пробивалось наружу маленькими струйками, то теперь вырывается на свободу широкимъ потокомъ, выражаясь въ могучихъ и радостныхъ аккордахъ гимна...

Съ теченіемъ времени и самая форма его «торжественныхъ» одъ мѣняется: чѣмъ свободнѣе чувства поэта, тѣмъ ненавистнѣе для его вдохновенія дѣлаются «правила», шаблоны и традиціи...

Свободное и сильное чувство ищетъ и находитъ для себя соотвѣтствующую форму.

Лучшимъ подтвержденіемъ справедливости этихъ словъ относительно Ломоносова, служить одна изъ позднихъ одъ его, въ честь все той же императрицы Елизаветы:

«Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ —
 Скрываются поля, берега и портъ.
 Чувствительны цвѣты во тьмѣ себя сжимаютъ,
 Отъ хладу кроются и солнца ожидаютъ,
 Но только лишь оно въ луга свой лучъ прольетъ, —
 Открывшись въ теплотѣ, сияетъ каждый цвѣтъ,
 Богатства красоты предъ онымъ отверзаетъ
 И свой пріятный духъ, какъ жертву, изливаетъ...
 Подобенъ солнцу твой, Монархия, восходъ,
 Который освѣтилъ во тьмѣ Россійскій родъ;
 Усердны предъ тобой сердца мы отверзаемъ,
 И жертву вѣрности нелестной изливаемъ!»

Въ этомъ стихотвореніи красота и искренность возвышенныхъ чувствъ воплощены въ картину, прекрасную по своей

простотѣ и задушевности. Поэтъ *нашелъ себя* въ этомъ прочувствованномъ стихотвореніи...

Это короткая ода показываетъ, что онъ былъ близокъ къ новому и оригинальному творчеству...

Правда, упоминаются и теперь боги римскіе и греческіе въ его одахъ. Изрѣдка попрежнему Петръ является у него подъ видомъ Нептуна, или Ахиллеса подъ Троей... Встрѣчаемъ мы и теперь въ его произведеніяхъ традиціонный для оды «восторгъ» и «воззванія къ Музамъ». Въ минуты душевнаго подъема, поэтъ попрежнему не только увѣряетъ читателей, что «священный ужасъ» объемлетъ его мысль, но онъ видитъ, «какъ отверзъ Олимпъ всеильный дверь», какъ «брега Невы руками плещутъ», какъ ликуетъ «нимфа Финскаго залива»... Но это все старые, изношенные образы, умирающіе въ его творчествѣ...

За то много новаго найдемъ мы теперь у него: такъ, напримѣръ, восхваленіе природы, ея красота, ея творческихъ силъ, ея власти, дѣлается теперь любимымъ мотивомъ его поэзіи.

Онъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ, достигшимъ величія и красоту природы. Теперь часто замѣняетъ она въ его стихахъ прежній Олимпъ: дѣла людей сопровождаютъ ея сочувствіемъ: такъ «горы рыдали» и мрачное море стонало, когда погасалъ Петръ. Ломоносовъ первый сумѣлъ найти образъ для воплощенія природы съвера, воплотивъ ее въ могучемъ образѣ «Борея съ мерзлыми крылами».

Грандіозность образовъ и картинъ навсегда осталась особенностью одъ Ломоносова: его воображеніе любитъ представлять титановъ, раздирающихъ облака, — онъ вдохновляется величественными картинами созданія міра, претворенія мрака въ свѣтъ, великими явленіями, когда сотрясаются горы и рѣки текутъ всякъ... У Ломоносова была душа, которая, по преимуществу, чувствовала «грандіозное».

Много прекрасныхъ образовъ и картинъ найдено имъ. Какъ примѣръ, можно привести слѣдующіе отрывки:

Картина мирной природы:

«Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,

Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь, —
 Межъ бисерными облаками
 Сіяетъ злато и лазурь»...

Описание жаркаго лѣта:

«Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
 Когда томить протяжный день,
 Отъ знойной теплоты и свѣта
 Прохладна покрываетъ тѣнь,
 Отводитъ жаркіе лучи.
 Но коль великая отрада,
 И томнымъ чувствамъ тутъ прохлада,
 Какъ росу пьютъ цвѣты въ ночи!»

Описание коня императрицы:

«Крутитъ головой, звучитъ браздами,
 И топчетъ бурными ногами
 Прекрасной всадницей гордятся»⁵⁶).

Описание зари:

«И ее уже рукой багряной,
 Врата отверзла въ міръ заря, —
 Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяный
 Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря»⁵⁷).

Описание зари:

«Заря багряною рукой
 Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
 Выводитъ съ солнцемъ за собой
 Твоей державы новый годъ»⁵⁸).

«Ликующій Петрополь» и «колѣнопреклоненная Москва съ сѣдыми волосами»⁵⁹), — это образы, также впервые введенные въ нашу поэзію Ломоносовымъ. Величіе Петра на ратномъ полѣ впервые оцѣнено имъ⁶⁰).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какъ вырасталъ геній Ломоносова изъ тѣсныхъ рамокъ торже-

ственной оды. Чужой, занесенный къ намъ извиѣ, жапръ онъ приспособилъ къ возвышеннымъ настроеніямъ реформированной петровской Россіи... Теперь творчество его освободилось отъ всякой оффиціальности и сдѣлалось правдивымъ выраженіемъ дѣйствительныхъ чувствъ.

«Ни злости не страпуюсь, не требую добра,

Не ради васъ пою — для правды, для Петра!»

— восклицаетъ онъ теперь.

Изъ другихъ произведеній его этого періода очень любопытно стихотворное посланіе къ Шувалову: «О пользѣ стекла». Превознося «стекло» за то значеніе, которое оно имѣетъ въ практической и научной дѣятельности человѣка, Ломоносовъ высказываетъ въ этомъ произведеніи свои взгляды на взаимоотношеніе науки и религіи. Выше было отмѣчено, что предки наши считали изученіе природы грѣховнымъ дѣломъ... Устройство громоотвода и во время Ломоносова считалось дерзновеніемъ, возстаніемъ человѣка противъ Бога, «продерзостнымъ сопротивленіемъ гнѣву Божію».

Такая точка зрѣнія была смѣшна для Ломоносова, который, слѣдуя за Лейбницемъ, вѣрилъ, что Богъ далъ міровой жизни законы, и предоставилъ людямъ искать эти законы и пользоваться природой, ея силами.

Вотъ почему нападаетъ онъ рѣшительно на тотъ «слабый умъ», который считаетъ грѣхомъ всякую попытку познать, что такое молнія и громъ. Не отрицая воли Божьей, правящей міромъ, Ломоносовъ считалъ необходимымъ искать ближайшія причины естественныхъ явленій въ дѣйствіяхъ силъ природы.

«Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился» — говоритъ онъ, то пужно ли видѣть въ этомъ непременно проявленіе гнѣва Божія. Нельзя-ли неурожаю объяснить проще —

«...грѣхъ-ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?» — т. е., оставить узко-религіозную точку зрѣнія, и, путемъ разума, придти къ естественному объясненію неурожаю недостаткомъ плодоноснаго пла, которымъ во время разлива удобряются прибрежныя нивы. Отъ такого объясненія, съ его точки

зрѣнія, нисколько не страдало величіе Бога и не подрывалось религиозное чувство.

Это онъ доказываетъ въ различныхъ произведеніяхъ своихъ, стихотворныхъ и прозаическихъ. Всѣмъ существомъ своимъ прочувствовалъ онъ природу; его душа понимала «поэзію міровой жизни» и славословила мудраго Создателя этой жизни.

Хорошо знакомый съ твореніями отцовъ церкви, онъ цѣнилъ ихъ сочувствіе къ природѣ и желаніе помирить изученіе ея съ вѣрой. «О, если бы въ ихъ время!—сказалъ онъ, извѣстны были изобрѣтенныя недавно астрономическія орудія и открыты тысячи новыхъ звѣздъ! — съ какимъ бы восторгомъ проповѣдники истины возвѣстили о новыхъ свидѣтельствахъ величія, мудрости и могущества Творца!..» «Природа, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, есть Евангеліе, благовѣствующее творческую силу, премудрость и величество; не только небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію».

Сочинилъ Ломоносовъ и двѣ трагедіи: «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ». Оба эти произведенія на сценѣ представлены не были; хотя написаны они хорошими стихами и мѣстами въ нихъ попадаются сильныя сцены и яркіе психическіе моменты, но они славы Ломоносову не прибавили. Точно такъ же особаго успѣха не имѣла начатая имъ и не оконченная поэма: «Петръ Великій». Въ ней интересно посвященіе Шувалову.

Литературная дѣятельность, въ глазахъ Ломоносова не представляла главнаго занятія. Великій поэтъ былъ убѣжденъ, что онъ — прежде всего ученый естествоиспытатель, а поэтъ — «между прочимъ». Вотъ почему больше всего отъ него осталось сочиненій научныхъ. Большой энциклопедистъ, онъ занимался и въ Петербургской Академіи Наукъ самыми различными науками, — физикой, и химіей по преимуществу.

Русской исторіей занялся онъ, полемизируя съ нѣмецкими учеными академиками Миллеромъ и Шлецеромъ, специалистами по исторіи. Ломоносова обижало, что эти ученые считали первыхъ русскихъ князей норманнами-скандинавами, Ермака — разбойникомъ, — что они занимались изученіемъ Смутнаго времени. Защищая русскую исторію, Ломоносовъ, въ пылу споровъ, иногда увлекался не въ мѣру; его націоналистическія тенден-

ціи мѣшали ему безпристрастно судить прошлое, — но эти тенденціи возвеличили дѣянiя предковъ и будили въ обществѣ патріотизмъ, и тѣмъ сослужили свою службу въ исторiи русскаго національнаго самосознанiя: они легли въ основу того народническаго направленiя, которое обозначилось при Елизаветѣ, усилилось и опредѣлилось при Екатеринѣ, а при Александрѣ Благословенномъ ярко выразилось въ «Исторiи Государства Россійскаго» Карамзина.

Русскіе люди XV—XVI-го вѣка были большими патріотами; они считали себя самыми благочестивыми и добродѣтельными христіанами—своего царя преемникомъ цареградскаго стола — свою Москву—«третьимъ Римомъ»... Но этотъ патріотизмъ граничилъ съ узкимъ и слѣпымъ самодовольствомъ и самолюбiемъ... Прогресса не могло быть у народа, такъ занаво переоцѣниваго свою цѣнность.

Другого рода патріотизмъ былъ у Петра, у Ломоносова, у всѣхъ русскихъ людей новаго времени. Они сознали недостатки старины, но не прониклись презрѣнiемъ къ родной странѣ и народу, — сознали культурную цѣнность запада, но не сдѣлались иностранцами по духу и страстно защищали родину отъ обидныхъ нападковъ. Уважая себя и все хорошее родное, они цѣнили чужую культуру,—въ соединенiи своего и чужого хорошаго видѣли они въ будущемъ спасенiе Россiи. Ихъ патріотизмъ былъ разумный, и въ немъ были прогрессивныя начала... Будущее русской исторiи оправдало ихъ мудрый патріотизмъ...

Какъ филологъ, Ломоносовъ сослужилъ родной странѣ большую службу. Онъ первый приложилъ сознательныя усилiя къ упорядоченiю русскаго языка... Когда онъ выступилъ на литературное поприще, нашъ языкъ представлялъ собой пестрое смѣшенiе самыхъ разнообразныхъ элементовъ: слова и выраженiя церковно-славянскія, нѣмецкія, латинское построенiе рѣчи, полонизмы и малоруссизмы, примѣсь русскихъ провинціализмовъ,—все это представляло собой нѣчто пестрое, лишнее всякой характерности и индивидуальности. На этомъ странномъ языкѣ отразилась сложность эпохи, когда при Петрѣ русский народъ «сплавлялъ» въ своей жизни самыя разнородныя воздѣйствiя и влiянiя.

Ломоносовъ первый разобрался въ хаосъ нашего тогдашняго языка и, разложивъ его на существенные элементы, предложилъ теорію о трехъ «штиляхъ»—высокомъ, среднемъ и низкомъ.

Это ученіе довольно правильно опредѣляло различныя стіхи языка, характеръ тѣхъ настроеній, которыя ищутъ себѣ выраженіе въ языкѣ. Указавъ, какимъ настроеніямъ отвѣчаютъ какія слова и выраженія, Ломоносовъ внесъ систему въ русскую рѣчь. Онъ индивидуализировалъ ее, придалъ ей характерность и выразительность; указавъ чуждые и лишніе элементы въ этой рѣчи, онъ очистилъ ее и націонализировалъ.

Вторая половина царствованія Елизаветы Петровны — время расцвѣта духовныхъ силъ Ломоносова... Къ этой порѣ относится все лучшее, созданное имъ въ тѣхъ разнообразныхъ областяхъ, которыя извѣдалъ онъ, жадный къ знанію, упорный въ достиженіи и гениальный въ пользованіи достигнутымъ...

Къ этой порѣ и духовный обликъ его сложился вполне ясно... Теперь онъ торжествовалъ побѣду, теперь онъ менѣе всего заботился о себѣ и свободнѣе служить родной наукѣ... Въ это время особенно отчетливо сказалась характерная его черта—удивительное равновѣсіе его внутренняго міросозерцанія... Пусть во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ онъ былъ рѣзокъ и несдержанъ⁶¹): подобно Бѣлинскому онъ страстно любилъ и страстно ненавидѣлъ... Но въ глубинѣ души это была натура удивительно-гармоничная, объединившая такія крайности, какъ стоицизмъ и эпикурейство. Объ этомъ лучше всего говоритъ самъ Ломоносовъ въ интересномъ своемъ произведеніи: «Анакреонъ и Ломоносовъ».

Греческій поэтъ убѣждаетъ русскаго предаваться радости и воспѣвать любовь. Подъ вліяніемъ этихъ рѣчей Ломоносовъ чувствуетъ —

«Жаръ прежній
Въ согрѣвшейся крови...»

Но воспѣвать утѣхъ любви онъ не можетъ—«струны поне-

волѣ звучали ему геройскій шумъ» и, «хотя нѣжности сердечной» въ любви онъ «не лишень», но восхищается онъ болѣе «героевъ вѣчной славой». Анакреонъ продолжаетъ искушать собесѣдника, и тотъ почти сдается его убѣжденіямъ, восклицая:

«Анакреонъ, ты, вѣрно,
 Великій философъ!
 Ты дѣломъ равномѣрно
 Своихъ держался словъ...
 Ты жилъ по тѣмъ законамъ,
 Которые писалъ...
 Возьмите прочь Сенеку:
 Онъ правила сложилъ
 Не въ силу человѣку,
 И кто по онымъ жилъ!»

Но суровый Катонъ удерживаетъ Ломоносова, и сомнѣнія въ справедливости соблазнительной философіи Анакреона закрадываются въ его сердце, и заключаетъ онъ свою бесѣду съ греческимъ поэтомъ такими словами:

«Анакреонъ, ты былъ роскошень, весель, сладокъ;
 Катонъ старался ввести въ республику порядокъ;

 Ты жизнь употреблялъ, какъ времени утѣху,
 Онъ жизнь пренебрегалъ къ республикѣ успѣху...
 Беззлобна роскошь въ томъ была тебѣ причина, —
 Упряжка славная была ему судьбина!
 Несходства чудны вдругъ и сходства понялъ я —
 Умиѣ кто изъ васъ, другой будь въ томъ судья!»

Умиѣ будетъ тотъ, кто избѣгнетъ односторонности, кто сумѣетъ сочетать суровый и вмѣстѣ свѣтлый взглядъ на жизнь,—любовь къ веселью и радостямъ къ пиру жизни съ постоянной готовностью къ тяжкимъ лишеніямъ, подвигамъ и борьбѣ⁶²)... Таковъ былъ Ломоносовъ.

Онъ съ родни по духу тѣмъ дѣятелямъ европейскаго гуманизма, которые брали земную жизнь всю безъ ограниченія: радостные, они трудились и бодро выносили борьбу. Могу-

чимъ титанами изъ тьмы вѣковъ встають передъ глазами историка эти носители свѣта, враги тьмы. По своему духу, по своему міросозерцаію — Ломоносовъ принадлежитъ къ ихъ семьѣ. Онъ — *первый нашъ гуманистъ*, въ полномъ значеніи этого слова. Оттого его съ дѣтства такъ тянуло къ *свѣту*, къ звѣздамъ, къ сѣверному сіянію, къ восходящему солнцу... Ему, этому солнцу, воспѣлъ онъ торжественный гимнь въ своемъ утреннемъ размышленіи... И гимнь этотъ удивительно сходенъ съ тѣмъ вдохновеннымъ привѣтомъ солнцу, который принадлежитъ другому русскому пѣвцу земли — Пушкина...

«Да здравствуетъ солнце
Да скроется тьма!»

Эти слова могутъ быть взяты, какъ эпитафія къ жизнеописанію Ломоносова.

Со вступленіемъ на престоль императрицы Екатерины II положеніе Ломоносова пошатнулось: его покровитель Шуваловъ потерялъ при дворѣ значеніе, да и новая царица была, повидимому, предубѣждена противъ «пѣвца Елизаветы». Ломоносовъ и его единомышленники не скрывали своихъ опасеній, что Петръ III и его супруга, будучи нѣмецкаго происхожденія, принесутъ вредъ Россіи и пробудившемуся русскому націонализму. Эти опасенія Ломоносовъ открыто выразилъ въ одѣ на восшествіе Екатерины II на престоль. Рѣзко осудивъ политику Петра III, въ словахъ:

«Слыхаль ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О, стыдъ, о страшной оборотъ!
Чтобъ кровью куплены Трофеи
И побѣдителей злодѣи
Приобрѣли въ напрасной даръ!»

— Онъ даетъ затѣмъ рядъ характерныхъ совѣтовъ Екатеринѣ:

«Услышите, Судіи земные
И всѣ державныя главы:

Законы нарушать святыя
 Отъ буйности блюдитесь вы,
 И подданныхъ не презирайте,
 Но ихъ пороки исправляйте
 Ученемъ, милостью, трудомъ!
 Вмѣстите съ правдою щедроту,
 Народну наблюдайте льготы;
 То Богъ благословитъ вашъ домъ!
 О коль велико, какъ прославятъ
 Монарха вѣрные раби!
 О коль опасно, какъ оставятъ
 Отъ тѣсноты своей, въ скорби!
 Внимайте нашему примѣру,
 Любите ихъ, любите вѣру.
 Она — свирѣности узда,
 Сердца народовъ сопрягаетъ
 И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ
 Твердѣе всякаго щита.

Далѣе слѣдуетъ характерное обращеніе къ «нѣмцамъ», которые во время кратковременнаго царствованія Петра III опять заняли въ Россіи привилегированное положеніе:

«А вы, которымъ здѣсь Россія
 Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
 Довольство, вольности златыя,
 Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
 Храпя къ своимъ сосѣдамъ дружбу,
 Позволила по вѣрѣ службѣ
 Безпреткновенно приносить, —
 На толь склонились къ вамъ Монархи
 И согласились Іерархи,
 Чтобъ древній нашъ законъ — вредить?
 И вмѣсто, чтобъ вамъ быть между нами.
 Въ предѣлахъ должности своей;
 Считать насъ вашими рабами
 Въ противность истинѣ вещей?
 Искусство шифъные доводомъ,

Что было надъ Россійскимъ родомъ
 Умышленно отъ вашихъ главъ.
 Къ поправнью нашего закона,
 Россійскаго къ паденію Трона,
 Къ рушенію народныхъ правъ».

Всѣ эти строки очень характерны, онѣ свидѣтельствуютъ, что даже у Ломоносова «торжественная ода» могла сдѣлаться поэтическимъ жанромъ жизненнымъ — отраженіемъ общественныхъ переживаній⁶³). Этотъ «публицистическій» характеръ и поддержалъ существованіе оды вплоть до начала XIX-го столѣтія...

Приведенныя строфы свидѣтельствуютъ, чего боялся Ломоносовъ. Его опасенія, въ этомъ отношеніи, были напрасны. Какъ извѣстно, умная Екатерина рѣшительно взяла національный курсъ, — (очевидно къ ея времени этотъ курсъ былъ очень силенъ въ русскомъ обществѣ!) и постаралась поскорѣе «обрусѣть».

Тѣмъ не менѣе, къ «пѣвцу Елизаветы», какъ и къ многимъ другимъ дѣятелямъ елизаветинской эпохи, относилась она сдержанно. На судьбѣ Ломоносова это сразу сказалось. Сильный прежде поддержкой Шувалова Ломоносовъ, мало-по-малу, очень укрѣпилъ свои позиціи въ Академіи и сумѣлъ укротить Шумахера. Теперь, враги его подняли голову... Несдержанный и самонадѣянный, онъ постоянно давалъ поводы къ разнымъ обвиненіямъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что Ломоносовъ, правда ненадолго, былъ отставленъ отъ Академіи по желанію императрицы. Свою ошибку она скоро исправила, но впечатлѣніе отъ обиды осталось навсегда въ сердцѣ Ломоносова.

Къ тому же онъ къ этому времени недомогалъ и физически, и духовно. Богатырскія силы, истраченные въ титанической борьбѣ съ жизнью и людьми, измѣняли ему.

И вотъ, въ настроеніи его замѣчаемъ мы повныя черты, совершенно чуждыя его натурѣ — тоску и разочарованіе. Въ письмахъ его теперь чувствуется горечь и тихое смиреніе; нѣтъ прежняго задора⁶⁴).

Въ черновыхъ его бумагахъ послѣдняго періода нашлись такія строки, которыя имѣють автобіографическое значеніе: «*Multa tacui, multa pertuli, multa concessi.* За то терплю, что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго, чтобъ выучились Россіяне, чтобъ показали свое достоинство *pro agis.* Я не тужу о смерти — пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣють!»⁶⁵).

Императрица Екатерина лично посѣтила его незадолго до его смерти... Вотъ, какъ описываетъ это посѣщеніе Е. Р. Дашкова въ своихъ запискахъ: «незадолго до кончины его, приѣзжаю во дворецъ, и государыня съ прискорбіемъ сказала мнѣ: «папъ Михайло Васильевичъ что-то слишкомъ закручинился! поѣдемъ къ нему. Онъ насъ любитъ, а изъ любви чего не дѣлають!» Немедленно отправились мы къ поэту и застали его въ глубокой задумчивости у большого стола, на которомъ были разложены химическіе аппараты. Въ камелькѣ огонь, какъ будто прощаясь съ хозяиномъ, то вспыхивалъ, то угасалъ... Мы вошли къ Ломоносову тихомолкомъ, безъ доклада. Но, услыша привѣтъ Императрицы: «здравствуйте, Михайло Васильевичъ!» онъ вскочилъ, какъ будто спросонья... Екатерина повторила: «здравствуйте, Михайло Васильевичъ!.. Я приѣхала съ княгиней посѣтить Васъ, услышавъ о Вашемъ нездоровьи, или лучше сказать о вашей грусти!..» Нѣсколько минутъ уста Ломоносова окованы были молчаніемъ. Наконецъ, онъ воскликнулъ: «Нѣтъ, Государыня, не я нездоровъ, не я грустенъ, — больна и грустна душа моя!»⁶⁶).

Больѣла душа Ломоносова, главнымъ образомъ, потому, что тщетны были усилія его создать и упрочить русскую науку — съ одной стороны иностранные ученые-наемники совѣмъ не заботились о насажденіи этой науки, съ другой стороны высшія власти холодно и равнодушно относились къ хлопотамъ Ломоносова устроить университетъ въ Петербургѣ, улучшить народное и среднее образованіе. Да и со стороны молодежи не видѣлъ онъ поддержки своимъ страстнымъ стремленіямъ. — И онъ, упорно вѣрившій когда-то, что Россійская земля можетъ рождать «собственныхъ Платоновъ» и «Невтоновъ» на склонѣхъ лѣтъ сталъ терять эту увѣренность: «вѣрить должно, — сказалъ

онъ какъ-то, объятый грустью великой, что нѣтъ Божескаго благоволенія, чтобы науки возросли и распространились въ Россіи»⁶⁷). По этой причинѣ болѣла утомленная душа великаго человѣка... И грустно умиралъ онъ, 54 лѣтъ отъ роду, состарившись раньше времени. Вотъ, какъ послѣднія его минуты описываетъ его другъ акад. Штелингъ: «Смерть встрѣтилъ съ духомъ истиннаго философа. Сказалъ: «жалѣю только, что покидаю недосовершеннымъ то, что задумалъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и возстановленія упавшихъ дѣлъ академическихъ...»⁶⁸).

Прекрасна и назидательна была вся жизнь Ломоносова — прекрасна и смерть его (4 апр. 1765 г.)... Самоотверженный подвижникъ, онъ свято и неустанно служилъ своему долгу... И умеръ на своемъ посту, съ думами о томъ, что было ему дорого въ теченіе его жизни...

Герценъ въ одной изъ своихъ работъ высказалъ удивительно красивую мысль: «Петръ Великій бросилъ вызовъ Россіи, и она отвѣтила ему Пушкинымъ». Но мысль эта нуждается въ исправленіи... Не однимъ Пушкинымъ отозвалась Русь на вызовъ, брошенный ей... Она отозвалась гораздо раньше Пушкина многими видными и характерными выразителями народнаго духа: Теофаномъ Прокоповичемъ, Посонковымъ, Татищевымъ, Кантемиромъ и особенно энергично отозвалась эта встревоженная Русь — Ломоносовымъ.

Энергичный и неутомимый, бодрый и жизнерадостный, этотъ гигантъ — родной братъ Петра... Ломоносовъ былъ воспитанникомъ великаго царя, и сдѣлался его пѣвцомъ, идеаломъ и апостоломъ новой русской жизни...

Вспоминая пылъ его многотрудную и самоотверженную жизнь, личность и возсоздавая мысленно его незабвенныя черты, мы съ чувствомъ радостной гордости и спокойной вѣры въ будущее нашего народа, можемъ сказать:

Да!

«Можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать!»

В. Сиповскій.

¹) Годъ рожденія Ломоносова опредѣлялся гесьма различно: 1709, 1710, 1711, 1712 и 1715-ымъ. (Пекарскій, «Исторія Имп. Ак. Наукъ», 267. См. еще: I. Сибирцевъ, Къ біографическимъ свидѣніямъ о М. В. Ломоносовѣ. Арх. 1911 г.). Въ Академіи Наукъ недавно найдены документы, опредѣляющіе годъ рожденія Л—ва 1711-ый г.

²) Пекарскій. Ист. Имп. Ак. Наукъ, т. II, 267. Жизнеописаніе Ломоносова (Труды Имп. Росс. Акад., т. IV. Спб. 1840-41, 53). Земляки такъ характеризовали его: «человѣкъ простосовѣтный, къ сиротамъ податливый, съ соудьми обходительный» (Избр. соч. М. В. Л—ва, изд. П. Перевлѣскаго. М. 1846, IX. «Путеш. акад. Ленехина Спб. 1804, IV). Самъ Л—въ называлъ своего отца человѣкомъ «по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго»... Бялярскій 210, «Матеріалы».

³) «Жизнеописаніе Ломоносова» (Труды Имп. Росс. Акад. т. IV. Спб. 1840-41, 53).

⁴) В. Верещагинъ, «Очерки Архангельской губерніи», Спб. 1849. Пекарскій. Op. cit, 265, 373.

«Скорбный видъ окрестностей деревни Денисовки. Низменный островъ, едва не поднимаемый въ полую воду разливомъ Двины; низенькія, болотистыя кочки, разсыпанныя между деревьями, которыхъ такъ много на Курь-Островѣ; старыя бревчатыя пазы деревьевъ этихъ; болотины между холмами съ просачивавшеюся грязной водой; прибрежья, со вѣхъ сторонъ затуфутыя чахламъ пвнякомъ, изъ-за котораго въ одну сторону видны Холмогоры со своими старинными церквами, давными преданіями; повсюду—жизнь, закованная въ разбѣренную, однообразную среду, въ одни помыслы о тяжелой трудовой жизни на промыслахъ... Изъ того же пвняка, съ противоположной стороны, на горѣ открывается новый видъ: видъ села Вавчуги. Тамъ живутъ свѣжими преданіями о Петрѣ В.; тамъ еще недавно былъ онъ, гостилъ не одинъ сутки у богатаго, умнаго владѣльца Вавчуги Баженина, котораго любили ласкать и жаловать великій Императоръ» (Ламанскій, 24).

⁵) Природу своей родины Л—въ полюбилъ на всю жизнь. Въ поэмѣ: «Петръ Великій» онъ такъ повѣствуетъ о пребываніи Петра на сѣверѣ:

«Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой быстрый ходъ
Къ *любетымъ* берегамъ полночныхъ бѣлыхъ водъ—
Гдѣ прежде межъ волны душа въ немъ веселилась,
И больше къ плаванью въ немъ жажда вспламенилась.
О, коль счастлива ты, *великая Двина*,
Что славнымъ шествіемъ его освящена...

Ты тѣмъ вѣхъ выше рѣкъ, что, устьями своими
 Сливаешь въ сонмъ единый со безднами морскими
 Открыла посреди играющихъ валовъ
 Другихъ вѣхъ прежде струй лучинѣ зракъ Петровъ!
 О, холмы красныя! и острова зелены.

Какъ радовались вы, сямъ счастьемъ восхищенны (Соч. II, 186).

И природу сѣвера изображалъ онъ не разъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ (Ср. II, 189, 207).

*) «Деревенская жизнь, морскія плаванія, борьба съ суровой природой, страшныя физическія лишенія, съ которыми неразлучна жизнь поморовъ, не только развили въ Ломоносовѣ необычайныя физическія, но и нравственныя силы, закаляли его характеръ, приготовили его къ борьбѣ, подвигамъ и испытаніямъ, ожидавшимъ его на другихъ поприщахъ. Л—въ, еще юношей, такъ часто видалъ и испытывалъ всякія опасности, такъ близко бывалъ къ смерти, что страхъ ея былъ ему совершенно незнакомъ, и всю свою жизнь онъ оставался вѣренъ этому чисто-христіанскому воззрѣнію на смерть, которое вообще глубоко проникло въ русскаго крестьянина: непреклонная сила и мужество, безстрашіе, всегдашняя готовность ринуться въ борьбу—таковы всегда были высшія идеальныя требованія Л—ва, природа котораго исполнена была этой энергіей жителей сѣвера.

«Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,

Что портитъ въ жилахъ кровь свирѣпныхъ ядовъ злѣе!

Лишаетъ долгой зной здоровья и ума,

А стужа въ сѣверѣ ничтожитъ вредъ сама!»—(II, 189).

Любимѣйшій образъ Л—ва—образъ величавой несокрушимой скалы:

«Какъ верхъ высокія горы,

Взираетъ непоколебимо

На мракъ и вредныя пары

Не можетъ вихрь его достигнуть

Ни громы страшные подвигнуть!

Взнесетъ къ безоблачнымъ странамъ,

Ногами пути попираетъ,

Угрюмы бури презираетъ

Смѣется скачущимъ волнамъ!»—(I, 141, еще: I, 93).

7) О дѣтской наблюдательности его свидѣтельствуютъ современники въ «Москвитиниѣ» (1853, т. I, отъ IV); указано что «будучи подросткомъ, Ломоносовъ на родинѣ дѣлалъ наблюденія, изучалъ природу, собиралъ рѣдкости». Въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ, напр., въ «Описаніи сѣверныхъ путешествій» Ломоносовъ рассказываетъ о направленіи вѣтровъ, объ измѣненіяхъ въ этихъ направленіяхъ—очевидно до 19 лѣтъ онъ былъ очень наблюдателенъ и внимательно всматривался въ жизнь природы (В. Ламанскій, М. В. Ломоносовъ, Спб. 1863, 29). Въ статьѣ объ электричествѣ Л—въ вспоминаетъ свѣщеніе моря (тамъ же, 30). Бытность свою за границей онъ сравниваетъ одну мѣтежность въ Германіи съ берегами Бѣлаго моря во время отлива и дѣлаетъ заключеніе, что и то мѣте, которое онъ видѣлъ въ Германіи, было морскимъ дномъ. Мечты его открыть морской путь въ

Америку по Сѣверному Ледовитому океану — путь чисто-«поморскій» (тамъ же, 31); эти мечты отразились и въ его творчествѣ («напрасно строгая природа отъ насъ скрываетъ мѣсто входа» и пр.). Ламанскій по этому поводу говоритъ слѣдующее: «созерцанія величавыхъ явленій сѣверной природы, морскія плаванья, постоянное обращеніе съ мореходами, — словомъ все дѣтскія, отроческія и юношескія впечатлѣнія, представленія и оныя Л—ва были, такъ сказать, зародышами, которые созрѣли въ немъ впоследствии при соприкосновеніи его съ западной образованностью при формальномъ его развитіи и выродились въ замѣчательныя теоріи: о теплѣ и стужѣ, объ образованніи льдовъ, о дѣйствіи внутренняго подземнаго огня, о возможности проникнуть Сѣвернымъ Океаномъ въ Америку, теоріи электричества, матетизма» и т. д. (тамъ же 32). Воспоминанія о сѣвѣ морскихъ поѣздкахъ выразилъ онъ въ одной одѣ («Когда по глубинѣ невѣрой... Пекарскій, «Исторія Имп. Акад. Наукъ», 269). Наблюдалъ онъ и жизнь лопарей (тамъ же, 271).

⁸⁾ Отеч. Зап. 1829, т. 37, № 105, 167.

⁹⁾ Пекарскій, *op. cit.*, 269. Повѣстный биографъ Ломоносова И. Сибирцевъ большое значеніе въ дѣлѣ образованія приписываетъ дьячку Семену Смолиныхъ (или Сабельникову); онъ немного зналъ даже латинскій языкъ (21). Тотъ же Сибирцевъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ архіерейской школѣ въ Холмогорахъ (21). Въ 1723 г. при Холмогорскомъ архіерейскомъ домѣ архіепископомъ Варнавою, западно-руссомъ, воспитанникомъ Кіевской академіи и бывшимъ учителемъ Московской славяно-латинской академіи, была учреждена славяно-латинская школа, въ которую забирали священническихъ и причетническихъ дѣтей и обучали ихъ — букварю, грамматикѣ и, между прочимъ хотя и не сразу, латинскому языку по учебнику Альвара» (*op. cit.*, 21).

¹⁰⁾ «Охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ была такъ велика», что сверстники его потѣшались надъ нимъ и даже его колотили изъ зависти, но не могли отучить его отъ чтенія (Пекарскій, 279). И. Сибирцевъ указываетъ, что къ семьѣ Ломоносовыхъ былъ близокъ дьячекъ Семень Смолиныхъ (или Сабельниковъ); возможно, что онъ обучалъ церковному обиходу нѣсколькихъ ребятъ; что давалось легко Л—ву, то не давалось имъ, за что они и платились; только этимъ можно объяснить возникновеніе «зависти» у сверстниковъ къ удачамъ Л—ва. Л—въ еще крестьяншомъ зналъ наизусть большую часть церковныхъ пѣсней, канона Іоанна Дамаскина и пр. Они развили въ немъ глубокое внутреннее благочестіе, чистый взглядъ на вѣру и на ея отношеніе къ наукообразному, отвлеченному знанію (Ламанскій, 37).

¹¹⁾ Также см. у Ламанскаго, 38. «Опытъ Истор. Словаря» Новикова, который утверждаетъ, что увлеченіе Псалтиремъ развило въ Ломоносовѣ охоту къ поэзіи. Особенно понятно сдѣлается это увлеченіе, если мы примемъ, что Псалтирь была въ рукахъ Ломоносова переложенная на стихи. «Псалтирь царя и пророка Давида художествомъ рифмотворнымъ — равномѣрно слоги и согласно конечно — предложенная Симеономъ Полоцкимъ и отпечатанная въ Москвѣ въ 1680 году, была, какъ и другія рифмованныя сочиненія Полоцкаго». — «Вертоградъ многоцвѣтный» и «Рифмологія» довольно распространены между грамотными людьми. Все эти книги извѣстны были и въ Холмогорахъ, особенно ученикамъ пѣвческой и подъя-

ческой школы архієпископа Афанасія и вообще—грамотной молодежи, которую занимала рюмованная рѣчь: въ числѣ разныхъ подписей на книгѣ хлѣбной раздачи холмогорскаго архіерейскаго дома за 1695—96 гг. мы встрѣтили такую изъ Рюмологіона:

Орле, восплещи крылы, двоглавный,
Вознеси скиптръ высокодержавный.

(Сибирцевъ, 16).

¹²⁾ Быть можетъ, раскольники прельстили его сильной духомъ своей непреклонной энергіей и твердостью души. Они сотнями сжигали себя, не желая отступиться отъ своихъ вѣрованій (Пекарскій, 372). Въ этомъ было что-то могучее, стихійное, и оно должно было правиться Ломоносову. Въ духовныхъ пѣняхъ раскольниковъ выражалось ихъ суровое, непреклонное міросозерцаніе. Эти пѣсни, конечно, слышалъ Л—въ и, вѣроятно, юная душа его переживала соотвѣтственныя настроенія:

«Не страшись, душа, страха тлѣннаго,
Помниай, душа, страхъ вѣчный!
Возврати печаль свою на Господа,
Предай самъ себя въ рудѣ Божіи,
Изведи воды изъ очей своихъ,
Омывай черноту свою грѣховную,
Самовластіемъ очерченную
Вѣрою пастуши на главу змія
Любовію зри къ самому Богу» (Ламанскій, 29).

Ламанскій въ своей статьѣ указываетъ, что дѣтство Ломоносова совпало какъ разъ съ эпохой броженія среди раскольниковъ: «въ то время господствовало на поморьѣ особенно возбужденное настроеніе умовъ: самыя высшіе вопросы—религіозныя, глубоко занимали народное вниманіе: по городамъ и селамъ бродили послѣдователи Аввакума, распѣвали стихи раскольниковъ, осуждали Петра и новую Русь»:

«Духовный законъ, съ корене съѣлъ,
Законъ градекой въ конецъ истребленъ
Въ закона мѣсто подворилось
Беззаконіе и нечестіе,
Миръ съ любовію оставили землю,
Блудъ со злобой и нечистотой
На мѣсто любви подворилися,
Съ пути христіанскаго соприлиси,
Къ обычаямъ странъ поганыхъ
Любезно вѣ склонялися!» (Ламанскій, 28).

¹³⁾ Тотъ моментъ, когда Л—въ сознательно вернулся къ православію, былъ рѣшительнымъ въ исторіи его міросозерцанія.

Свѣтлыя преданія о Петрѣ В., живо сохранившіяся въ сосѣдствѣ —

въ селѣ Вавчугѣ и въ Холмогорахъ, много содѣйствовали его выходу изъ раскола (Ламанскій), «но ученіе его (раскола) не могло не имѣть вліянія на даровитаго мальчика и, взволновавъ его душу сомнѣніями, должно было разбудить до того спавшія въ немъ силы, развить въ немъ мысль и наблюдательность, привычку къ анализу и препіямъ. Дерзость прежняго отрицанія и добровольный сознательный переходъ въ православіе должны были утвердить въ геніальномъ юношѣ крѣпость нравственныхъ убѣжденій, поселить въ немъ всегдашнюю готовность и рѣшимость жертвовать всею для высшихъ цѣлей духа» (Ламанскій, 29). Мнѣніе Ламанскаго о рѣшительномъ значеніи личности Петра въ исторіи ломоносовскаго раскольниковства, находитъ основаніе въ указаніяхъ повѣйшаго біографа г. Сибирцева, который отмѣтилъ, что въ семьѣ своей Л—въ встрѣчалъ поклонниковъ великаго царя. У него былъ дядь Лука Ломоносовъ, бодрый старшкъ, ходячая лѣтопись русской исторіи XVII-го вѣка. «Изъ родственниковъ М. В., говоритъ Сибирцевъ, чаще всего могъ посѣщать домъ старика Луки Ломоносова, гдѣ его не только никто не укорялъ, никто не выражалъ ему своего неудовольствія, но гдѣ онъ могъ находить даже поощреніе своимъ стремленіямъ, и пріобрѣтать новыя свѣдѣнія. Сыновей Луки Ломоносова въ то время уже не было въ живыхъ, а единственный внукъ его—Пимъ Ломоносовъ, выучившійся грамотѣ въ семьѣ дяди, теперь служилъ въ Архангельской портовой таможнѣ и, *стремясь видѣть и знать больше*, ѣздилъ даже въ Петербургъ—«нарадивъ» преобразователя Россіи. Но что особенно важно, самъ Лука Леонтьевичъ, будучи современникомъ длиннаго ряда государственныхъ и мѣстныхъ событій, могъ разсказывать любознательному юношѣ Ломоносову о многомъ, имъ слышанномъ и видѣнномъ. Особенно интересны могли быть его разсказы по личнымъ воспоминаніямъ о томъ, какъ 28 іюля 1693 г., послѣ долгихъ ожиданій, «объявился отъ Куроострова своими судами великій государь... на семи стругахъ, а великаго государя струтъ впереди всехъ шель», какъ затѣмъ, государь былъ встрѣченъ на Холмогорахъ и «шествовалъ съ бояры и со всеми чиновными людьми чрезъ городъ явнымъ царскимъ лицомъ въ каретѣ» (Динник. лѣт. изд. А. Титова, 1889, 63—4). Могъ Лука Леонтьевичъ разсказывать, какъ государь былъ въ Вавчугѣ у Бажениныхъ, какъ просто обращался съ народомъ, какъ плавалъ по Бѣлому морю и въ Соловецкій монастырь, какъ собственными руками заложилъ въ Соломбалѣ корабль, какъ едва не погибъ въ Унскихъ Рогахъ и мн. др. (op. cit. 19).

¹⁴⁾ Пикарскій, 269.

¹⁵⁾ С. Смирновъ. Исторія Моск. Слов. гр.-лат. академіи. М. 1855, 250.

¹⁶⁾ Жизнеописаніе Ломоносова («Труды Имп. Росс. Академіи», т. IV. Ламанскій, 38. Сиб. 1840-41, 556).

¹⁷⁾ «Имѣючи отца, хотя по натурѣ добраго челоуѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго и злую, завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу попустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и холодъ» (Биларскій, 210).

¹⁸⁾ Годъ отбытія Л—ва въ Москву показываютъ различно. Въ волостной книгѣ для записей поручителей этимъ годомъ показанъ 1730 («1730 г. 7 Дек. отпущенъ»

Михаилъ Васильевъ сынъ Ломоносовъ къ Москвѣ до Сентября 1731 г.) (Путешествіе Лепехина, Сиб. 1805, Пекарскій, 278—9, I. Сибирцевъ, ор. cit. 22), Штелницъ указываетъ на 1728-ой годъ (Москвит. 1853—I, 24).

¹⁹⁾ Пекарскій 278-9.

²⁰⁾ Въ «Тамиръ и Селимъ» есть строки, вѣроятно, имѣющія автобіографическое значеніе; въ этихъ стихахъ выразилъ Ломоносовъ свои душевныя переживанія, которыя онъ узналъ, когда уѣзжалъ изъ отчужденнаго дома:

«Владѣть нашихъ дней Всевышній самъ предѣломъ,
Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власть!
Коль близко ходитъ рокъ при робкомъ и при смѣломъ,
То лучше мнѣ избрать себѣ похвальную часть!
Какая польза тѣмъ что въ старости глубокой
И въ тѣмъ безславія кончаютъ долгой вѣкъ
Добротами входить на верхъ хвалы высокои
И славно умереть родится человѣкъ!»

²¹⁾ Пекарскій, 280.

²²⁾ Ламанскій, 62.

²³⁾ Существуютъ свѣдѣнія, что онъ здѣсь уже послѣ двухъ лѣтъ изученія языка сочинялъ стихи на лат. языкѣ (Пекарскій, 284, Смирновъ, Исторія Моск. Сл.-Греко-Лат. Акад. 25). Кушкѣ говоритъ, что дошло такихъ стихотвореній десять (Сборн. матеріаловъ для Истор. Имп. Ак. Н. въ XVII в., ч. II, Сиб. 1865, XXII). Можетъ быть началъ изучать лат. яз. Ломоносовъ еще на родинѣ. Другъ ихъ семьи дядечекъ Семень Смолиныхъ (Сабельниковъ) немного зналъ латинскій языкъ; да и въ Холмогорахъ была архіерейская школа съ лат. языкомъ.

²⁴⁾ Кушкѣ, ор. cit., 380 (Штелницъ).

²⁵⁾ «Здѣсь пошло ему въ руки малое число философическихъ, физическихъ и математическихъ книгъ» (Пекарскій 284).

²⁶⁾ Маякъ 1842, т. 2, № 4, 82.

²⁷⁾ Въ трагедіи Л—ва: «Тамира и Селимъ» есть одно мѣсто, которое имѣетъ автобіографическое значеніе:

«Тебѣ все склонности и жизнь моя извѣстна,
Какъ былъ я въ Индіи съ Наринмомъ и съ тобой
Бывала-ль красота очамъ моимъ прелестна,
Бывалъ ли парусень любовью мой покой?
Всегда исполненъ тѣмъ, что мудрые брамни
Съ младенчества въ моеи оставили крови,—
Напасти презирать, безъ страху ждать кончины,
Имѣть недвижимъ духъ и бѣгать отъ Москвы...
Я больше, какъ рабовъ, имѣлъ себя во власти,
Мой нравъ былъ завсегда уму поработень.
Преодоливъшья имѣлъ подъ игомъ страсти
И мракъ ихъ не зналъ, наукой просвѣщенъ,
Другихъ волненія смотрѣлъ всегда со брегу» (Ламанскій, 63).

«Въ Л—вѣ семинаристъ образовался строгій, суровый взглядъ на жизнь, какъ

на рядъ личныхъ подвиговъ и самопожертвованій. Впрочемъ, онъ умѣрялъ въ немъ его живымъ пылкимъ правомъ, его доброю и страстною натурою» (Тамъ же, 64).

²⁸⁾ Куникъ, *op. cit.*, 384.

²⁹⁾ По его словамъ, «въ Кіевѣ, противъ чаянія своего, нашелъ пустыя только словопрениія аристотелевой философіи» (Пекарскій, 284). Характерно въ этомъ отрицательномъ отношеніи Ломоносова къ средневѣковой схоластикѣ умѣніе критически къ ней относиться, стать по отношенію къ ней на точку зрѣнія гуманистовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ не сомнѣлъ никогда. Позднѣе говоритъ онъ слѣдующее: «Декарту мы особливо за то благодарны, что онъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ самого себя и противъ прочихъ философовъ въ правдѣ спорить и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ вольному философствованію» (Тихо-правовъ, соч. III, 7).

³⁰⁾ Сб. ст. Второго отд. Имп. Ак. Наукъ, т. 2, XIV.

³¹⁾ Штелинь указываетъ на 1733-й годъ.

³²⁾ Пекарскій, *op. cit.*, 288.

³³⁾ Тамъ-же, 288.

³⁴⁾ Прибылъ въ Марбургъ JI—въ 3 Поября 1736 (Пекарскій, 291).

³⁵⁾ Въ инструкціи, данной JI—ву и его товарищамъ, указано, что они во всѣхъ мѣстахъ своего заграничнаго пребыванія должны были показывать «пристойные нравы и поступки, изучать химическую науку и горныя дѣла, а также учиться и естественной исторіи и физикѣ, геометріи, тригонометріи, гидравликѣ и гидротехникѣ. Кроме того изучать русскій языкъ, латинскій, французскій, нѣмецкій и рисованіе» (Пекарскій. 289).

³⁶⁾ Онъ популяренъ былъ и у насъ. Такъ имъ интересовался Оеофанъ Прокоповичъ и, когда шли переговоры о пріѣздѣ Вольфа къ намъ въ Россію, онъ очень этого желалъ (В. Р. «Новые матеріалы для біогр. JI—ва». Совр. 1860, № 11, 438). Вольфъ, терпѣвшій и на родинѣ гоненія со стороны духовенства, отказывался, опасаясь въ Россіи возбудить къ себѣ отрицательное отношеніе со стороны русскихъ церковниковъ. Шумахеръ писалъ ему по этому поводу: «русское духовенство теперь сильно занято работою надъ приведеніемъ религіи въ резонабельное состояніе и ошщеніе ея отъ всякой bigoterie. Епископъ исковскій (Оеофанъ Прокоповичъ?), человѣкъ ученый и умный, которому мы болѣею частью обязаны хорошими порядками въ Синодѣ и за разные церковные регламенты, часто со своей стороны говорилъ съ похвалою о васъ, и, какъ любитель, физическихъ опытовъ, сильно желаетъ вашего присутствія и руководетва» (Буличъ, Рецензія на книгу: «Briefe von Ch. Wolff», «Моск. Вѣд.» № 253, 2008). По словамъ акад. Сухомлинова, Оеоф. Прокоповичъ въ своей рѣчи о флотѣ сталъ на точку зрѣнія вольфовекаго закона достаточнаго основанія (Сухомлиновъ, 146).

³⁷⁾ По словамъ проф. Булича, «заслуга Вольфа состоитъ въ томъ, что онъ привелъ философію своего времени въ такую строгую и полную систему, какой не было со времени Аристотеля» (Буличъ, Рецензія на книгу: «Briefe von Ch. Wolff» «Моск. Вѣд.», № 253, 2007). Для Ломоносова интересно, что Вольфъ первый изъ нѣмецкихъ философовъ обратилъ вниманіе на выработку нѣмецкаго философскаго языка. «Высшая цѣль моей жизни, говорилъ онъ, есть успѣхъ наукъ и притомъ на нѣмец-

комъ языкѣ» (ib.—2007) Любопытно также, что онъ былъ простаго званія. Отецъ его былъ простымъ кожевникомъ, странно хотѣлъ заниматься науками, по но бѣдности долженъ былъ отъ мечты своей отказаться. (Сухомлиновъ, «Ломоносовъ, студентъ Марбургск. у-та»). Тогда онъ рѣшилъ дать образованіе сыну. Когда Ломоносовъ познакомился съ Вольфомъ, онъ былъ въ апогеѣ славы: считался «мировымъ мудрецомъ» (тамъ же, 139). Онъ былъ большимъ энциклопедистомъ, такъ какъ изучалъ всеобщую математику, алгебру, астрономію, физику, оптику, механику, военную и гражданскую архитектуру, логику, метафизику, нравственную философію, политику, естественное право, народное право, географію (139).

³⁸⁾ «Не разрывая съ преданіемъ, идущимъ со времени Реформаціи, Вольфъ независимо отнесся къ вопросамъ, считавшимся неизреченными для людей, зачинавшихъ точку зрѣнія положительной религіи. Идеи его о вселенной и объ основаніяхъ нравственности, совпадаютъ, по его собственному признанію, съ ученіемъ Христа и апостоловъ; онъ стремился даже, посредствомъ математической методы, доказать, съ неопровержимомъ убѣдительною, истины, открываемыя христіанствомъ. «Воля Божія, училъ онъ, есть высшая причина существованія всѣхъ вещей, но на нее можно ссылаться только тогда, когда спрашиваютъ, почему что-либо существуетъ, а отнюдь не тогда, когда желаютъ знать, какимъ образомъ то, или другое возможно»... «Если въ физикѣ спрашиваютъ, отчего гремитъ громъ, то это значитъ, какія естественныя причины производятъ грозу, и только тотъ, кто не заботится о ближайшихъ причинахъ, можетъ сказать, что грозу посылаетъ Богъ». Вѣрнѣйшій путь къ примиренію науки съ вѣрою Вольфъ видитъ въ изученіи природы.—«Если бы, говоритъ онъ, глубже изучили физику, то увидѣли бы, что въ каждомъ твореніи, какъ бы оно ничтожно ни было, сокрыто многое для познанія Творца; и вмѣсто того, чтобы преслѣдовать науку, надо обращать ее въ славу Бога» (М. Сухомлиновъ, *op. cit.*, 142—4).

³⁹⁾ Ср. въ драмѣ Островскаго: «Гроза» слова кунца Дикого, сказанныя Кулигину. До Ломоносова у насъ разсуждали такъ: «Что повелѣно тебѣ, о томъ размышляй, а что сокрыто, того не изслѣдуй: о, если бы кто держалъ бичи надъ моими мыслями!» (Сухомлиновъ, 145). «На общемъ безразличнои объясненіи всего посредствомъ *непостижимыхъ* путей Промысла, безъ изслѣдованія причинъ ближайшихъ, остановились неглубокіе люди и съ труднѣйшими вопросами науки и жизни порѣшили коротко, хотя и неясно: «чему быть, тому не миновать», или еще: «это не нашего ума дѣло». При подобномъ взглядѣ философскій законъ *достаточнаго основанія*, возведенный въ принципъ Лейбницемъ и Вольфомъ, былъ для тогдашняго русскаго общества «смѣлою новостью» (Сухомлиновъ, 146).

⁴⁰⁾ Сухомлиновъ, «Л—въ, студентъ Марб. у—та», 159—160, Кушкѣ, 304-5 и др.

⁴¹⁾ У Ломоносова встрѣчаемъ мы такой гизнь человѣку: «образованность» и «свободный опытъ» говоритъ онъ, гонять:

«... глубокую невѣдѣнія тьму

Въ благословенный нашъ и просвѣщенный вѣкъ,

Чего не могъ дойти по опытамъ человѣкъ!»

«Это гордое сознаніе, наполняющее душу новаго русскаго человѣка, не могло

умѣтится въ тѣхъ узкихъ и нерусскихъ формахъ, которыми довольствовался въ Россіи XVII-й вѣкъ». (Тихопратовъ, Соч. II, 17).

⁴²⁾ Напр.: «Одна съ Нарисомъ мнѣ судьбина»... «Шизфа коло насъ кругами», «Весна тепло ведетъ»...

⁴³⁾ Куникъ, 307—327, 334—5.

⁴⁴⁾ Въ своемъ отзывѣ о Генкелѣ Л—въ выразилъ рѣзко присущій ему критицизмъ, который, впрочемъ, щадилъ Вольфа: «сего господина (Генкеля) могутъ почитать идеаломъ только тѣ, которые коротко его не знаютъ. Я же не хотѣлъ бы промѣнять на него своп, хотя и малыя, но основательныя знанія, и не вижу причины, почему мнѣ его почитать своею путеводною звѣздою и единственнымъ спаленіемъ» (Пекарскій, 303. Куникъ, 334—6).

⁴⁵⁾ Пекарскій, 304.

⁴⁶⁾ Тамъ же, 309—10, 305.

⁴⁷⁾ Любопытно, что во время этихъ скитаній, полуголодный и безъ денегъ, онъ умудрился заниматься у разныхъ ученыхъ, съ которыми встрѣчался по пути (Пекарскій, 305—306, Куникъ, 394).

⁴⁸⁾ Характерный для тогдашней Академіи случай произошелъ съ проф. физики Еннусомъ. Ломоносовъ заявилъ академикамъ, что изобрѣлъ трубу, въ которую можно было смотрѣть въ сумерки яснае, чѣмъ днемъ. Еннусъ доказывалъ, что этого быть не можетъ. Когда труба была сдѣлана и произведенъ былъ съ ней опытъ, Еннусъ все-таки не сдавался: «слушать не хотѣлъ, но и противъ Ломоносова употреблялъ грубыя слова, и вдругъ, вмѣсто дружбы прежней, стать оказывать непріятельскіе поступки»—перессорился съ другими академикомъ и кончилъ тѣмъ, что, «вмѣсто прежняго прилежанія, отдался въ гуляніе» (Ламанскій, «Л—въ и Петерб. Академія», 84).

⁴⁹⁾ Къ такимъ русскимъ онъ относился съ такой же страстной враждой (Пекарскій, 550); особенно недолюбливалъ онъ тѣхъ русскихъ аристократовъ, которые равнодушны были къ благу Россіи и кичились своимъ происхожденіемъ. (Тамъ же, 339, 608).

Въ его произведеніяхъ неразъ можно встрѣтити осужденіе сословныхъ предрасудковъ: «Кто породю, тотъ чужимъ хвастаетъ»—одно изъ изреченій Л—ва. Въ трагедіи: «Тамира и Селимъ» встрѣчаемъ мы развитіе этой мысли:

«Кто родомъ хвалится, тотъ хвастаетъ чужимъ,
А вы, что хвалитесь заслугами отцовъ,
Отнюдь отеческихъ достоинствъ не имѣвъ?
Не зните о себѣ, когда ихъ похваляю...
Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю;
Но злости не страшусь, не требую добра,
Но ради васъ пою,—для правды, для Петра!» (II, 193).

Въ одномъ письмѣ къ Шувалову (16 Авг. 1760 г.) Ломоносовъ пишетъ, что не любить общества аристократовъ: «только хочу некать способа и мѣста, гдѣ бы чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше видѣть было персонъ Высокородныхъ, которые мнѣ никакю моею породю предирекають, видя меня, какъ бѣльмо на глазу по даннымъ мнѣ отъ Бога талантамъ» (Ламанскій, Ломоносовъ «Петерб. Акад. Наукъ», 144).

⁶⁰⁾ Много эпизодовъ изъ этой борьбы разсказано у Куника, Пекарекаго, Виларскаго и Ламанскаго («I—въ и Петерб. Акад. Наукъ»).

⁶¹⁾ Въ одномъ письмѣ онъ такъ характеризуетъ свою борьбу: «что до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолда, на старости не покину» (Пассекъ, Очеркъ Россіи, кн. 2, 1840, 8).

⁶²⁾ Обращаясь къ одному живописцу, Ломоносовъ въ одномъ своемъ стихотвореніи восклицаетъ:

«Изобрази Россію мнѣ!
Изобрази ей возрастъ зрѣлой
И видъ въ довольствіи веселой
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу!» (II; 282).

«Пязнцо-величавый образъ русской земли, которая, съ вознесенною главою, даетъ законы міру—образъ, сдѣлавшійся художественнымъ идеаломъ Ломоносова, осуществится въ тѣ «благословенные дни», когда общечеловѣческое просвѣщеніе проникнетъ въ нѣдра русскаго народа» (Тихоцравовъ, 7).

⁶³⁾ «Люблю правду веѣмъ сердцемъ, какъ всегда любилъ и любить буду до смерти!»—сказалъ онъ.

⁶⁴⁾ Это замѣчено было еще давно. Кн. Вяземскій въ своемъ сочиненіи: «Фонвизинъ» говоритъ слѣдующее: «Громы полтавской битвы превозгласили наше уже безспорное водвореніе въ семейство Европейское. Сии громы, сии торжественныя побѣдныя молебствія отозвались на поэзіи нашей и дали ей направленіе. Слѣдующія эпохи, болѣе или менѣе, ознаменованныя завоеваніями, войнами блестящими, питали въ ней сей духъ воинственный, сію торжественность, которая, можетъ быть, въ послѣдствіи времени была ужъ больше привычка и подражаніе и потому неудовлетворительна, но на первую пору была она точно истинная, живая и выражала совершенно главный характеръ нашего политическаго быта» (Кн. Вяземскій, 4). Итакъ—«торжественныя оды, были плодомъ сего воинственнаго вдохновенія. Лира Ломоносова была отголоскомъ полтавскихъ пушекъ. Напряженіе лирическаго восторга сдѣлалось послѣ него и, безъ сомнѣнія, отъ него общимъ характеромъ нашей поэзіи»—(тамъ же. 5).

⁶⁵⁾ Для него, какъ чловѣка прямого и откровеннаго, порой, особенно въ первый періодъ, очень трудна была роль придворнаго поэта. Онъ самъ разсказывалъ, какъ досадовалъ на Тредіаковскаго, который однажды свое произведеніе выпустилъ подъ его именемъ: «Мнѣ и на мысль не приходили оды съ тѣхъ поръ, какъ Тредіаковскій изъ рабскаго подобострастія къ Бирону сперва ему прохрипѣлъ какую-то оду, а потомъ, по его же повелѣнію, накропалъ другую на восшествіе на престолъ малолѣтняго Іоанна II, чтобы этимъ рюмамъ дать ходъ, означалъ подъ ними мое имя. Эта пелѣвая клевета такъ меня поразила, что я отрекся навсегда отъ одъ» (Куникъ, XLVIII). Лстивость и низкопоклонство вообще были очень распространены въ это время. Кн. Юсуповъ Б. Т. такъ писалъ Бирону: «принадая къ Высочайшимъ стонамъ Вашей Высококопяжеской Свѣтлости, рабственно ноги цѣ-

дую и прославлять Высочайшее имя Вашей Высококопняжеской Свѣтлости за милость до смерти не престану»—(Ламанскій, 39).

Тредіаковскій, желая угодить сильнымъ міра сего, остановился на колѣни и въ такомъ положеніи имѣлъ какую-нибудь свою пѣсенку... Онъ самъ съ удовольствіемъ разсказывалъ, что за такую угодиливость «однажды въ вознагражденіе, имѣлъ счастье получить отъ державной руки всемилостивѣйшую оплеушину» (Ламанскій, 98). Какъ выгодно среди людей своей эпохи отличается Ломоносовъ, который, въ отвѣтъ на одну шутку своего покровителя Шувалова, написалъ ему письмо, въ которомъ, между прочимъ, сказалъ: «не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не желаю, но также у самаго Господа Бога, Который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отыметъ» (Русск. Бесѣда 1857, № 1, 24).

⁵⁴⁾ Ср. у Пушкина описаніе коня Петра В.

Дрожитъ... Глазами косо водить
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ съдокомъ.

⁵⁷⁾ Ср. у Гоголя въ описаніи Дигѣира: «отъ ризы сыплются звѣзды»...

⁵⁸⁾ Ср. у Пушкина описаніе утра въ день именинъ Татьяны Лариной.

⁵⁹⁾ I, 188, II, 118. Ср. у Пушкина:

И передъ новою столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ юною царицей
Порфиросная вдова!

У него же:

И всплылъ *Петрополь*...

⁶⁰⁾ II, 211. Ср. у Пушкина: описаніе Петра на Полтавскомъ полѣ.

⁶¹⁾ Хотя самъ онъ считалъ свою несдержанность недостаткомъ, это видно изъ того, что самообладаніе онъ считалъ большимъ достоинствомъ:

«Великій Александръ тогда себя былъ болѣ,
Когда повелѣвалъ своей онъ сильной волѣ».

Что и себя онъ старался сдерживать и усилялъ въ этомъ, лучше всего видно изъ одной автобіографической замѣтки, гдѣ онъ сказалъ: «multa tacui, multa pertuli, multa concessi».

⁶²⁾ Ламанскій, 65.

⁶³⁾ И въ раннихъ одахъ Ломоносова довольно часто встрѣчаются намеки на различныя событія и эпизоды современной ему жизни (см. напр. соч. I, 27, Пекарскій).

⁶⁴⁾ Сб. ст. 2 отд. И. А. Н., т. 2.

⁶⁵⁾ В. Пассекъ, Очерки Россіи, т. 2, 1840. «Портфель служебной дѣятельности Ломоносова», 40.

⁶⁶⁾ Русск. Слово 1861, № 4 (изъ записокъ С. Н. Глинки), 3.

⁶⁷⁾ Ламанскій, «Ломоносовъ и Петерб. Академія Наукъ». Чт. въ М. О-вѣ Ист. и др. Росс. 1865 № 1, 109.

⁶⁸⁾ Москвит. 1852, т. V, отд. IV, 24.

Содержаніе.

Портретъ М. В. Ломоносова	I
Видъ памятника М. В. Ломоносова	II
Мѣсто родины М. В. Ломоносова	III
Общій видъ Холмогоръ	IV
Церковь въ с. Денисовкѣ	V
Двухклассное училище	VI
Школа имени Ломоносова	VII
Биографическая статья	1—34
Примѣчанія	35—45

Кабинетъ Севера
Оддѣлъ Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова